

Александр СТАРШИНОВ

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЦЕЗАРЬ

Александр Старшинов
Божественный Цезарь

«Автор»

2026

Старшинов А.

Божественный Цезарь / А. Старшинов — «Автор», 2026

«Божественный Цезарь» — третий, заключительный роман цикла о великих людях Древнего Рима. В романе почти нет вымышленных героев. «Минуты роковые» оказались на редкость богаты не только событиями, но характерами сложными и неоднозначными. Цицерон, Помпей Великий, Катон Утический, лидер Великого галльского восстания Верцингеториг и поэт Катулл, — эти имена знакомы каждому, кто интересовался историей Древнего Рима. Но, несомненно, любого из этой плеяды затмевает Гай Юлий Цезарь. Роман «Божественный Цезарь» завершает трилогию о великих деятелях Древнего Рима: «Сны Сципиона» — о победителе Ганнибала, «Братья Гракхи» — о народных трибунах-реформаторах и, наконец, третий роман «Божественный Цезарь», о самом известном человеке Древнего Рима, чьи выдающиеся способности полководца, писателя и политика сочетались в одном человеке. Без преувеличения можно сказать, что Цезарь определил историю Европы на много веков вперед.

© Старшинов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Александр Старшинов

Божественный Цезарь

Пролог

Мартовские иды, 44 год до н.э.¹

«Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части».

Мне нравилась эта фраза. Хорошее начало книги. Сейчас, очнувшись, я первым делом ее и вспомнил. Попробовал произнести вслух — не получилось. Губы онемели. Потом понял, что я в лектике, и меня куда-то несут. Куда — неведомо, потому что никаких указаний носильщикам я не давал.

Заседание Сената началось... Я сел в кресло — помню. Кто-то умолял о прощении, упал на колени, хватался за тогу... Что потом?

Пытаюсь вспомнить — и не могу.

Обычно мою лектику несли четверо. Самые лучшие носильщики — сирийцы — выносливые сильные, умеющие держать темп. Я часто путешествовал в носилках — это гораздо удобнее, нежели трястись в повозке, позволяет экономить время, выделить несколько часов на сон, диктовать письма или читать. Даже в носилках я мог делать два дела одновременно: диктовать сидящему тут же писцу послание в Рим и читать донесения моих легатов. Потом многие стали приписывать себе те же уникальные способности, которыми они, конечно же, не обладали.

В этот раз носильщиков было трое — четвертый сбежал. Трое положили меня внутрь и понесли, торопясь неведомо куда. Двое впереди, один держал лектику сзади, растопырив руки. Я видел этого третьего сквозь прореху в ткани. Шея странно вывернулась — лицо, покрытое потом от натуги, мельтешило перед глазами. Так они и бежали. Неудобно, тряско, то и дело качает. Моя рука — правая — соскользнула с тела и свесилась из носилок. Белая кожа в застывших потеках крови. Кровь не удивила меня. Крови было много — это я помнил. Левая рука не могла выскользнуть — ее удерживала тога, в которую я завернулся. Неловко. Нет — не больно, и не неудобно. Просто неловко — мне бы хотелось поправить сбившуюся в ком тогу под правой рукой и полностью задернуть занавески. Чтобы никто не видел и не знал, что в этих носилках тащат меня. Я понимал, что сейчас имею вид истерзаннный и жалкий. Всю жизнь я был равнодушен к еде и питью, в походах питался тем же, что и мои легионеры. Но выглядеть я должен был всегда и везде достойно. Достоинство... Это не просто слово. Тога — чистая, безупречно уложенная, туники по последней моде с бахромой, доспехи — начищенные. Вот только нелепая лысина, что появилась довольно рано, делала меня смешным. Тут кстати был лавровый венок, ставший вскоре тоже поводом для шуток.

Третий носильщик опять споткнулся и едва не упал. Моя правая рука скребанула пальцами по мостовой. Да стойте же! Уложите меня как следует!

Но я не мог ничего приказать: не в силах издать ни звука, одеревеневшими губами не пошевелить.

Бег ускорился. Ткани занавесок развевались. Полосы света и тьмы скользили поверху. Я не мог вытянуть правую руку вдоль тела — она мне больше не повиновалась. Ничего страшного, надо подождать. Вскоре мои сирийцы добегут до дома, поставят носилки, Кальпурния выскочит из дверей, раздвинет занавески, обнимет меня... И, главное, поправит, наконец,

¹ По римскому летоисчислению это был бы год консульства Гая Юлия Цезаря и Марка Антония, 710-й от основания Города. Но для удобства читателя даты в начале глав даются в современном виде.

правую руку. Странное новое ощущение. Прежде перед падучей (припадки случались у меня одно время после ранения) — все чувства обострялись до невыносимости, потом следовала вспышка блаженства, столь краткого и сильного, что пережить его казалось невозможным. Но вскоре припадки прошли, и я порой сожалел об этом. Сейчас невыносимо было отсутствие чувств, разве что какое-то муторное ощущение не внутри даже, а как бы снаружи, как будто меня кто-то непрерывно встряхивал и тербил. Я многое мог перенести — зной и холод были для меня не важны, с легионерами наравне я шел через заснеженный перевал, сражался в первой шеренге, стоя плечом к плечу с моими воинами, не позволяя им обратиться в бегство. Так что могло меня напугать или остановить? Огромная пестрая армия варваров в клетчатых туниках и плащах, блеск шлемов, гудение знамен-драконов на высоких древках? Или топот несущейся в атаку конницы и выкрики галлов?

И тут, наконец, понял, что не так: прежде я сам выбирал свой путь. Если меня несли в лектике, то только туда, куда я указывал. Я отправлял в поход легионы и принуждал заключать союзы непокорных и дерзких вождей. А тут вдруг сделался беспомощным. Я даже не в силах был спросить, почему путь так долог? И ни одного голоса снаружи — гомон Форума, шарканье шагов, приветствия старых знакомых, повстречавших друг друга в толпе, всё исчезло. От курии Помпея, где проходило заседание Сената, до моего дома — путь недалёкий. Кто-то за меня выбрал дорогу. Кто-то распорядился моим телом и моей судьбой, и это было невыносимо.

И — главное — я не могу выскочить из этих нелепых шатких носилок.

А рабы все шли и шли. Вернее, бежали. Уже слишком долго бежали. Какие выносливые! Куда же они? Как будто и не к дому несут — неужели сбились с дороги? А вместе с тем им должно быть хорошо известно, где живет пожизненный диктатор Рима. Может быть, Клеопатра велела меня похитить? Ее приезд в Рим был совсем некстати, учитывая, что я готовил новый поход и уже через три дня должен был отбыть к войску, куда отправил моего племянника Октавия. Но Египет был слишком важен для меня и для Рима, и я позволил царице прибыть в Вечный город.

— Как ты постарел, Гай! — воскликнула Клеопатра, едва меня увидев. — Вот что делает с нами огромная власть — выпивает все соки! Но я знаю особые египетские масла, которыми умащают тело...

— Уж не для погребения ли? — ответил я шуткой. — Надеюсь, ты привезла не только свои таинственные масла, но и хлеб, много хлеба...

— Очень много, — улыбнулась она в ответ.

Пока я буду с армией, столица должна снабжаться без перебоев. Царский венец Клеопатры в обмен на египетский хлеб. К счастью, Кальпурния не показала виду, что ревнует. А ведь она ревновала, давилась своей ревностью, как мне когда-то довелось давиться спаржей с уксусом на обеде в гостях. Три дня — и всё образуется. Я уеду к армии, Клеопатра вернется в Египет, Кальпурния останется управлять домом, счастливая своими мелкими правильными заботами.

Нет, Клеопатра прислала бы за мной свою роскошную лектику. На ее носилках столько золота, что ее с трудом поднимают восемь здоровяков. Но я не против — пусть меня встретит Клеопатра, поправит наконец нелепо вывернутую руку.

Потом представилось вдруг, что несут меня к нашему старому дому в Субуре, еще отцовскому, где я вырос. Сомнительный торговый квартал, где полно лупанариев, но мало дорогих особняков. Обедневший патрицианский род Юлиев довольствовался скромным субурским жильем. Маски предков в атриии, соединенные засохшими ветками лавра в чахлое деревце славы нашего рода, смотрели на меня равнодушно — без упреков и сожаления, как будто знали, что им придется потесниться, освободив место новому Юлию — претору, консулу, диктатору, императору. И хотя Юлии вели свой род от самой богини Венеры (этот культ я старательно поддерживал без тени сомнения и насмешки), мало кто из моих предков добирался до высо-

ких магистратур. Был один диктатор², еще один — начальник конницы, то есть заместитель диктатора, третий знаменитый Юлий поучаствовал в составлении Законов Двенадцати таблиц. Мои предки нечасто получали магистратуры консулов, чтобы назвать год своим родовым прозвищем и остаться навсегда в консульских фастах³. Патриции — да, но что значит быть патрицием и не иметь денег? Без средств не добудешь даже самой первой должности. Не говоря о том, чтобы подняться выше — до эдила и претора. Однако патрицию в долг дают охотнее, нежели плебею. Это сказала как-то Аврелия, моя матушка, женщина на редкость здравомыслящая, не обладавшая богатствами, но имевшая связи среди людей могущественных и знатных. Ее проницательность я уважал. Ее слова я запомнил. И с тех пор жил исключительно в долг, никогда не задумываясь о том, что долги придется отдавать. Устраивал пиры, любезничал, угождал окружавшим меня людям без чести и совести, без доблести и ума. Долги не смущали меня, я знал, что верну их, когда добьюсь успеха. Я занимал, перезанимал, иногда расплачивался, но редко. Находил тех, кто раскошеливался за меня. Мои пиры пользовались популярностью — я умел быть обходительным со всеми, остроумным к месту, почтительным без угождения, заводил знакомства с нужными людьми.

Мне вдруг представилось, что я вновь молод⁴ и должен выехать в Дальнюю Испанию как пропретор. Но внезапно выяснилось, что долгов у меня набралось 25 миллионов денариев⁵. Даже в те годы, когда почти все молодые аристократы сорили деньгами без оглядки на отцовские денежные сундуки, сумма небывалая. Для меня долги были всего лишь расписками, оставленными многочисленным ростовщикам. Одним векселем больше, одним меньше, мой секретарь дополнит новой строкой список моих заимодавцев. И вдруг мне объявили, что я не могу покинуть Рим, если не сумею расплатиться по этим распискам. Такое случается во время купанья — плывешь, вода теплая, солнечные лучи пронизывают мелкую синюю рябь, и вдруг чья-то рука хватает тебя за ногу, цепко, мертво, ты дергаешься, но холодные пальцы не разжимаются. Последний отчаянный рывок — и, оставив лоскуты кожи на сучьях утопленной коряги,рываешься на свободу, к воздуху и свету.

Заплатить долги я не мог. Значит, кто-то должен был за меня поручиться. Единственный человек, который мог это сделать — Марк Красс Богатый.

Широкая довольная физиономия Красса. Плохо скрываемая ухмылка. Вот в ком не было аристократизма ни на палец, так это в нем. Он давал в долг, как покупал.

Красса и уговаривать не пришлось — сам предложил выдать поручительство на пять миллионов денариев. Ого, какая щедрость! Значит, уже тогда я стоил пять миллионов, патриций без единого асса в кошельке, сумевший добыть сомнительное назначение в опасную и бедную провинцию. Я согласился. Но это означало, что в Рим я обязан привезти достаточно средств, чтобы закрыть векселя. Придется постараться. Требовать от клиентов подношения, от городов — выплат лично мне, пропретору, выпрашивать у союзников «подарки», недвусмысленно намекая, что проще сделать взнос золотом, чем проверить на своей шкуре остроту римских клинков. Я отнесся к этой ситуации невозмутимо, даже с некоторой иронией. С тех пор миновало много лет, но я не сделался расчетливей, наоборот, внезапность и дерзость стали моими девизами. Но теперь золота у меня стало много. Очень много. И теперь я, как прежде Красс, мог купить любого. Ну, или почти любого.

² В Древнем Риме экстраординарная магистратура, которая давалась только на шесть месяцев. Сулла первым нарушил это установление. Начальник конницы — заместитель диктатора, также занимал должность шесть месяцев.

³ Консульские фасты — хронологические таблицы в Древнем Риме, в которые заносились имена консулов, диктаторов, народных и военных трибунов.

⁴ В Древнем Риме мужчина считался молодым до 45 лет.

⁵ То есть 100 миллионов сестерциев. Рабочий на стройке мой заработать 3-4 сестерция в день.

А носилки все еще несут. Правда, уже не тряско, выровнялись после небольшой заминки. Верно, нашли четвертого молодца. Хотя там, за прорехой ткани, я уже никого не вижу. Может, решили унести меня из Города? Но зачем? И где Марк Антоний, почему не нагонит, не остановит этот нелепый бег? И проблески света исчезли, неужели закат близится? Так скоро? Странно, почему Марка не было сегодня в Сенате. Ведь Марк Антоний сопровождал меня из дома по пути в курию Помпея. Будто таран на носу корабля, рассекал густеющую с каждым мигом толпу. Руки, протягивающие свитки с прощениями, хриплые выкрики — о чем, не разобрать. Он оттеснял просителей, расчищая дорогу. Марк Антоний известен своей дивной силой. Любимая забава — управлять колесницей, запряженной львами. Он бы голыми руками раскидал ту жалкую свору, что накинута на меня в курии во главе с Кассием.

Курия. Кровь. Блеск клинков. Раны. Я ведь знал, что Кассий что-то замышляет. Но Брут...

Вспомнил внезапно: когда я вошел, то окинул взглядом курию и увидел, что мое кресло поставили как раз у гранитного цоколя статуи Помпея. Мраморный Помпей в красиво уложенной тоге был такой же, как при жизни — чуть удивленный взгляд вставных глаз, задорно взвихренные надо лбом непокорные позолоченные волосы. Статуя в человеческий рост. В рост Помпея — шесть футов⁶. Великий. А погиб бесславно...

Рабы в конце концов остановились, опустили носилки на землю. Кто-то раздвинул неплотно закрытые занавески. Но кто, я не видел.

К своему изумлению, обнаружил, что тело мне вновь повинуется. Десятки ран, нанесенных кинжалами заговорщиков, не причиняли боли, но как будто горели — несильно, терпимо. Десятки ран, и только одна — смертельная, удар в бок, в печень. При такой не выжить. Любой легионер об этом знает. Кто ударил — не помню. Вернее — не видел. Кровь на тоге засохла, ткань карябает кожу. Странно — боли от ран нет, а вот заскорузлую ткань — чувствую.

Мутный свет, будто сияние полной луны за облаками.

Место совсем незнакомое — берег реки. Ясно вижу, как блестит серым свинцом вода, недвижная, будто политая маслом. Берег каменистый, весь в буграх валунов, крупных, как людские головы, точно невидимое войско здесь вкопано по самые шеи. Стоит год из года, дожидаясь своего полководца. Туман стелется — плотный белый, такой бывает в сырую погоду в Риме. Туман, приносящий болезни. Звуков никаких — ни плеска воды, ни шелеста листьев, ни крика птицы. Наверху — не понять, то ли тучи, то ли небо цвета стали.

У берега челн — небольшой, черный, на таком когда-то я пытался вернуться в Брундизий. Море тогда бесилось, но я сказал кормчему: «Не бойся, ты везешь Цезаря». Но тот кормчий так и не вышел в море. Сейчас челн меня ждет. Нет, не тот, прежний. Новый. Другой. Но смутно знакомый. Я подхожу, вглядываюсь. Узнаю. На корме стоит Верцингеториг. Вождь галльского восстания, сумевший объединить разрозненные племена и разжечь пламя пожара по всей Галлии от Альпийских хребтов до берегов Океана, от Пиренеев до Рейна. Но каков был конец этого безумного предприятия?

Пышный четверной триумф⁷. Над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой.

Четыре дня непрерывного празднества.

⁶ Римский фут (пес) — мера длины. Фут равен 0,296 м.

⁷ Август 46 года до н.э.

Зрители кричат, машут лавровыми ветвями и ждут денежных раздач и угощений. Сокровищ провезено на 65 тысяч талантов⁸. 2822 золотых венка весом 20 414 фунтов — подношения городов и правителей. Галлия выкупила свое право жить дальше.

Колесницы, груженные добычей. Колесница триумфатора, запряженная белыми лошадьми. Цезарь в пурпурной одежде, расшитой золотым узором в виде пальмовых ветвей. Лицо выкрашено киноварью, будто облито кровью. В руке триумфатора скипетр из слоновой кости. Раб держит над головой победителя золотой венок. Шепчет: «Помни, что ты человек». Одежда триумфатора — только на день триумфа. А потом вновь белая тога с пурпурной полосой. Но для Цезаря отныне каждый день — триумф. Каждый день диктатор облачается в пурпур. Каждый день на голове — золотой венок.

За колесницей ведут пленников. Верцингеториг... Он столько времени ждал, когда его проведут в цепях за колесницей Цезаря по улицам Города. Его годами держали на вилле, кормили вдосталь, но не давали бриться и стричь волосы. А потом намеренно намазали волосы и бороду известью, как прежде делали варвары-галлы и чем давно уже не занимались галльские аристократы, которые пользовались для мытья волос жидким галльским мылом. Надели на него золотую цепь и нелепые одежды из клетчатой ткани, слишком тяжелые для его исхудалого тела. Когда его вели в цепях за триумфальной колесницей, он выглядел стриком, а ведь ему было что-то около тридцати пяти⁹. А потом его задушили в Мамертинской тюрьме. В ее нижнем отделении, специально предназначенном для казней.

Вождь галлов умер, а народ пировал и днем, и ночью. Двадцать две тысячи столов в день триумфа накрыли в центре Города для всех желающих. Вино подавали четырех сортов. Сотни рабов едва успевали разливать из кувшинов напиток Вакха. Прежде никогда подобной роскоши не видывал Рим. Для пира приготовили шесть тысяч мурен, их выносили на огромных блюдах, политыми соусом и обсыпанными зеленью. Многие пролетарии впервые отведали эту дорогую рыбу, такого лакомства на обед бедняки позволить себе не могли. Да и люди среднего достатка вряд ли угощались подобным. Как всегда при бесплатных раздачах, началась давка. Многих зашибли насмерть. Двух сенаторов затоптали, когда народ протискивался к столам с муренами, и клиенты не помогли, самим хотелось отведать диковиной рыбы. Люди хватали заранее нарезанные куски, заворачивали в обрывки папируса из книжных лавок, в собственные плащи и туники, в льняные салфетки, роняли на землю, растаптывали, скользили и падали.

Смешно. Сенаторы гибли в битве за рыбу. Повелители мира давятся за возможность схватить даровой кусок с праздничного стола.

«Где ваше достоинство, люди, созданные для рабства?» — сказал бы Катон.

Но Катон мертв.

Во время Галльского триумфа у колесницы сломалась ось, и я свалился на землю. Досада, боль. Но любое действие можно переиначить, унижение обратить в поклонение. Я дождался заката и поднимался на Капитолий уже в темноте. Для освещения крутой дороги на спинах слонов установили факелы. Кто, интересно, придумал байку, что я полз наверх, на Капитолий, на коленях? Какая глупость!

А народ все веселился. Представления и гладиаторские бои. Выкопано озеро, чтобы показать морское сражение. В Большом цирке травят зверей.

⁸ Один талант равен 26, 2 кг серебра или 24 000 сестерциев.

⁹ Принято считать, что Верцингеторигу, когда его казнили, было 32 года. Скорее всего, он был старше.

Воспоминания мелькали перед глазами — блеклыми, будто размытыми дождем картинами. Мелькали, выхваченные вспышками внезапного света, но тут же гасли. Эти картины не могли заслонить вождя галлов, стоящего на корме.

Верцингеториг был таким, каким я увидел его в первый раз — за несколько лет до начала восстания, когда он явился ко мне в армию с крошечным отрядом конницы из своих сторонников. Тогда аристократу из племени арвернов было немногим более двадцати, одет он был на римский манер, разве что плащ куда более яркий. Золотистые с рыжинкой волосы острижены, но не коротко, лицо чисто выбрито — местные нобили быстро перенимали наши обычаи. У него был прямой нос, светло-серые глаза, крупный рот. И в нем всегда чувствовалась бесшабашность. И его парни — под стать вождю, широкоплечие, светловолосые, белокожие, готовые в любой момент кинуться в драку. Скакуны у них были великолепные, все вороные и, как на подбор, рослые. Мои военные трибуны пытались выторговать этих коней у галлов, но ни один не уступил и не продал. «Этот конь — мой друг», — всякий раз следовал ответ.

Сейчас, на корме ладьи, Верцингеториг был как раз в том самом плаще и золоченых доспехах, в каковых вошел в мою палатку и сказал: «Здравствуй, Цезарь...» Латынь его была не безупречна, но говорил он на нашем языке бегло.

На миг я как будто снова очутился в своей палатке. Погожий нежаркий день. Знакомый лагерный шум. Крики команд. И высокий широкоплечий юноша на пороге.

«Здравствуй, Цезарь!»

Тогда я подумал, что передо мной гигант, готовый бросить вызов олимпийским богам. Но я был уверен, что заручусь его дружбой.

— Смотрите-ка, кто к нам пожаловал! — рассмеялся Верцингеториг. — Сам Божественный Цезарь явился на наш берег. Приветствую тебя, римлянин. Моя ладья тебя ждет.

И он изобразил приглашающий жест, как будто мы были с ним давними друзьями.

Я сделал вид, что нисколько не обескуражен, и поднялся на борт.

Глава 1. Верцингеториг. Кенаб¹⁰

Первое время они молчали. Верцингеториг стоял на корме и управлял рулевыми веслами. Но потом бросил их и сел на скамью напротив Цезаря. Вода в реке была по-прежнему серой и недвижимой, даже пена вдоль бортов не вскипала — как будто челн вообще не двигался. Берега были затянуты туманом — но иногда сквозь белесую пелену выступала то башня какой-то крепости, то острая черная ветка вспарывала туман. И тогда, видя, как удаляются эти отметки на берегу, можно было понять, что лодка движется.

Сказать честно, я, в отличие от Помпея, не любил ни моря, ни рек. Вода всегда таила для меня опасность. Я чуть не утонул во время сражения в порту Александрии, несмотря на то что хорошо плавал. А в молодости меня взяли в плен пираты.

Хотя, вспоминая этот эпизод, я всегда приходил в хорошее расположение духа. Когда нашу галеру захватили, я сразу почувствовал, что капитан этой шайки передо мною как бы робеет. Будто заполучил дорогую стеклянную вазу, и страшно боится ее нечаянно разбить. Со своей добычей он тут же устремился к тайной стоянке на острове и стал требовать с меня двадцать талантов¹¹ выкупа. «Двадцать талантов? — переспросил я. — А почему не пятьдесят? Ах да, в этих местах даже двадцать талантов сыскать будет непросто, потому что вы в

¹⁰ Кенаб — город на реке Луара недалеко от современного Орлеана.

¹¹ Один талант равен 26, 2 кг серебра или 6 000 драхм, или 6 000 денариев. То есть пираты просили 120 тысяч денариев.

своей алчности разорили все поселения на ближних берегах». Я оставил при себе парочку моих спутников, да еще двух рабов. А всех остальных разослал в приморские города за деньгами. Тридцать восемь дней провел я у пиратов, занимаясь тем, что сочинял оды и пьесы, а затем декламировал эти сочинения моим пленителям и требовал одобрения. И грозил их повесить или распять, если они не станут хвалить мои стихи и не выучат их наизусть. Если я ложился спать, то посылал к ним одного из рабов с требованием, чтобы они прекратили шуметь, потому что мешают мне заснуть. Капитану я выговаривал за дурную кормежку, и в первый же день вернул себе все свои подушки, ткани и покрывала, заявив, что не привык спать в звериных норах. Если капитан пытался возвысить голос или что-то устроить по-своему, я говорил равнодушно, как бы рассуждая вслух: «Двадцать талантов — это не так уж и много, но с другой стороны — это почти полмиллиона сестерциев... Так ведь? Да, кажется так. Не так уж и мало». И капитан умолкал. Этот человек очень хорошо понимал, что такое грести деньги. Наконец из Милета привезли выкуп, и я получил свободу. Но, вместо того чтобы следовать своим путем, я немедленно направился в Милет, снарядил здесь корабли и помчался к пиратской стоянке на острове, пообещав каждому гребцу по сто денариев, если мы одолеем разбойников. Никогда не забуду лица этих парей, когда я почти мгновенно захватил их в том самом месте, где не так давно их оставил, а также изъял не только мой выкуп, но и все награбленное прежде. И да, я их распял, как грозился неоднократно во время своего плена. Они до последнего не верили, что казнь — это всерьез. Думали, что это какая-то очередная шутка взбалмошного аристократа. «Ведь мы так хорошо ладили!» — бормотали разбойники, пока их привязывали к крестам.

Вот Помпей — он с пиратами поступил милостиво, в отличие от рабов Спартака.

— Куда мы плывем? — Цезарь огляделся.

— Всех ведет за собой Мнемосина, река памяти, — как и при жизни, Верцингеториг не отвечал на поставленные вопросы, а всегда говорил что-то свое, зачастую прибегая к иносказаниям. — Ты скоро освоишься на наших берегах.

Насмешливый, высокомерный тон. Никогда прежде галльский вождь так не разговаривал с императором.

Цезарь взглянул на серые недвижные воды, которые незримо несли их вперед. Мнемосина — память... Или история? Но разве история мира — не история Рима?

Император снова посмотрел на вождя Великого восстания. Приход этого юноши в римский лагерь в свое время казался закономерным — его отец Кельтилл был богат, силен и щедр, он считался главным человеком в Герговии, но галлы убили его за попытку сделаться царем племени арвернов. Сын казненного, почти изгнанник, куда ему было направить стопы, как не к римлянам? Служить, как служили другие — те же эдуи, видевшие для себя выгоду в союзе с Римом. Эдуи всякий раз звали римлян на помощь, едва возникала опасность от германцев или соседних галльских племен. А потом выторговывали себе плату за верность. Эдуи хотели быть главным племенем в Галлии. Арверны — тоже. Цезарь был уверен, что эти два племени никогда не вступят в союз. Молодой сын Кельтилла служил Цезарю несколько лет, и если они не были друзьями, то соратниками точно были. Теперь — сомертвецы. Цезарь считал, что может во всем на него положиться, не подозревая, что молодой галл всего лишь изучает воинское искусство римлян. Выдержке варвара¹² можно было позавидовать. В своих «Записках¹³»

¹² Здесь варвар — человек из местного племени, не римлянин и не эллин.

¹³ Имеются в виду «Записки о Галльской войне». Семь книг написаны самим Цезарем, восьмая — его легатом Авлом Гирцием. Цезарь всегда пишет о себе в третьем лице.

Цезарь не упоминал об этой службе — ведь тогда получалось бы, что мудрый полководец не заметил обмана и притворства юного галла — Цезарь, столь искушенный во всем и столь проныцательный. Но, кто знает, может, в те годы этот еще совсем молодой человек не задумывался о грядущей измене и восстании галлов — ему, сыну убитого вождя, было просто некуда идти. Тогда и звали его иначе — не Верцингеториг — то есть «царь над всеми воинами», а всего лишь сын Кельтилла.

— Ты же мертв, тебя задушили в Мамертинской тюрьме после моего Галльского триумфа, — Цезарь не пытался уязвить кормчего, просто напомнил факт, скорее для себя, нежели для него. Император должен был признаться, что встреча его обескуражила.

Не мог же Верцингеториг ускользнуть и спастись, а его место занять кто-то другой? Такое, разумеется, было возможно. Но...

— А ты думаешь, что жив, Цезарь? Или ты все же мертв, потому что тебя убили твои друзья?

Цезарь уже и сам уже понял, что произошло, но был не в силах произнести это вслух. Как человек не может сам себе дать имя при рождении. И не может объявить, что прожил жизнь и уходит за Ахерон.

— Жизнь заканчивается всегда не так, как предполагаешь...

Сомертвец не мог с этим не согласиться.

— О чем думаешь, Цезарь? Вспомнил человека, которого ты любил как сына? Наверняка втайне желал, чтобы он оказался твоим сыном. Сыном, которого у тебя никогда не было. Подумай над тем, почему он встал во главе заговорщиков, почему ударил тебя клинком в пах.

Было ясно, что Верцингеториг говорит о Бруте. Но откуда он знает?.. Про заговор, про убийство?

— У меня есть сын. Сын Клеопатры. Цезарион.

— Тебе самому не смешно? — Верцингеториг хмыкнул самым наглым образом. — Никогда не поверю, что ты настолько наивен.

Цезарь принялся внимательно рассматривать вождя галлов, посмеявшегося бросить ему вызов, будучи почти мальчишкой, встав во главе Великого галльского восстания.

— А не смешно было вообразить себя равным Цезарю? Вообразить пеструю толпу варварских племен равной римским легионам?

— Ошибаешься, Цезарь. Все годы, проведенные в твоей армии, я учился. Я понял, как вы, римляне, сражаетесь, и еще понял, что в открытом бою моим галлам Цезаря не одолеть. И я придумал, как изгнать тебя из Галлии — огнем и голодом. Голодом и огнем. Мы не станем дожидаться, когда придут римляне, разграбят селения и уведут наших детей и женщин в рабство. Мы сами станем жечь на их пути деревни и усадьбы, и наши города. Твой легат Публий Красс, сын богача Красса, рассказал мне про Фабия и его тактику в войне с Ганнибалом. Фабий не вступал с Пунийцем в бой, но истреблял его отряды фуражиров и разведчиков. А ты наш новый Ганнибал, Цезарь.

Сейчас Верцингеториг выглядел как победитель — меч с украшенной золотом рукоятью, золотой массивный торквес на шее, золотые браслеты на руках. Позолоченная кольчуга поверх галльской клетчатой туники. Возможно, торквес скрывал следы от веревки на шее. В любом случае, сейчас он не походил на того худощавого изможденного человека, который вышел из ворот Алезии без панциря, в галльском плаще, накинутом поверх грязной туники, неся в руках перевязь с мечом.¹⁴ Не доходя до Цезаря двадцати шагов, он бросил меч к подножию

¹⁴ В «Записках о Галльской войне», составленных самим Цезарем (зачастую это единственный письменный источник о Великом галльском восстании) Цезарь не сообщает подробностей о сдаче в плен Верцингеторига. События восстания в

трибунала¹⁵, на котором император сидел в ожидании сдачи крепости. Символический жест. Оружие для галла имеет особое значение. Даже мальчик, еще не способный пополнить ряды бойцов, может появиться рядом с отцом только с мечом на поясе, дабы не позорить отца. Не было на галле и доспехов, их принесли позже римские воины вместе с остальной добычей. Верцингеториг стоял, склонив голову, и повторял одну и ту же фразу: «Даруй свободу арвернам, не делай их рабами». Цезарь подозвал к себе легата Тита Лабиена и шепнул: «Пусть встанет на колени». Лабиен ухмыльнулся. Подошел к вождю галлов и передал приказ. И вождь галлов опустился на колени. И ткнулся лбом в землю, выпрашивая снисхождение для тех, кого увлек дерзким призраком восстания. На суровом лице Лабиена с острыми скулами и глубоко посаженными глазами читалось откровенное злорадство.

Пройдет не так много времени, и Тит Лабиен предаст Цезаря.

Что касается прекрасного вороного коня, на котором разъезжал вождь галлов, то его тоже привели потом, такого же исхудалого, как и его хозяин. Галлы считали коней своими верными спутниками, и не отважились пустить их на мясо — а ведь восставшие собирались есть человечину, если положение делается отчаянным, но призрак победы все еще будет сулить им успех, так передавали потом пленные.

Вороной Верцингеторига вскоре окошел.

— Я вспомнил своего коня — у него вместо копыт были почти человеческие пыльцы, и мой зверь никому не позволял на себя садиться, — сказал Цезарь. — На самом деле для коня это серьезное уродство, для длительных переходов жеребец совершенно не годился. В пути на него надевали особые подковы, чтобы он не ранил свои уродливые копыта. Но в битве он был свиреп, как десять центурионов.

— На моем берегу я помню своего вороного... — эхом отозвался вождь галлов.

— Неужели ты думал, что мог бы одолеть меня в бою, изгнать из новых земель, которые я подчинил? Ты, всего лишь дерзкий мальчишка!

Цезарь намеренно называл сына Кельтиллы мальчишкой, подростком, хотя он не был ни тем, ни другим. Но, да, он был молод, и по-юношески дерзок и способен на отчаянные поступки.

— Зачем ты заявился к нам в Галлию со своими легионами? — в свою очередь спросил вождь арвернов.

— Защитить союзников. Сенат постановил, что каждый наместник провинции Галлия должен защищать эдуев и других союзников римского народа сообразно интересам Республики. Я действовал согласно установлению Сената и по просьбе галльских вождей.

Верцингеториг ответил не сразу:

— Клянусь Таранисом и его колесом, это лишь красивые слова! Фальшивый покров, накинутый на бесцеремонный грабеж. Друзья не приходят на помощь, чтобы убивать тех, кого должны защищать.

— Я не убивал покорных. Я был милосерден.

— Видишь ли, милосердие и покорность — это обращение с рабами, а не со свободными людьми. Мы это поняли очень скоро. Но наши беды — в нашей горячности. Восстание галлов вспыхнуло до срока. У нас был уговор: пока не соберется достаточно войска, ничего не предпринимать. Уговор, чтобы жители Кенаба помедлили, дали время подойти отрядам из Герговии... Но коли огонь вспыхнул, его не загасить, пока пища для огня не выгорит. Кенабцы напали на римский гарнизон внезапно, вырезали всех, и воинов, и римских торговцев. Знали,

хронологическом порядке изложены в Приложении «Великое галльское восстание».

¹⁵ Трибунал — насыпь, возвышение, которое сооружалось для полководца.

знали, что отмщение будет страшным, коли римляне захватят их город. Но все равно восстали. Нетерпение — наша беда.

Цезарь видел, что галл хочет оправдаться перед римским императором, выставить себя мудрым и предусмотрительным полководцем. Может, так оно и было, и молодой вождь предусмотрел многое и умел сопоставлять силы. Но ему не хватило воли настоять на своем решении. И жестокости, чтобы исполнить задуманное.

А Верцингеториг продолжал:

— Понять людей — значит смотреть их глазами. Я смотрел и видел. Видел, как своими руками жгу родной дом. Вижу, как он умирает, дом, в котором ты спал со дня рождения, где стены помнят твоё детство. Сжечь целый город, и идти неведомо куда, закинув за спину котомку с жалким скарбом, тяжесть которого ничто по сравнению со злой тоской. Бремя невыносимое. Отчаяние ломает хребет и гнет к земле. Жена кричит, рвет волосы и взывает к Матери-земле, дети хватаются за подол туники, а позади пылает твой дом. А цель одна: чтобы загребущие руки римлян сумели схватить лишь горячий пепел... Жрите пепел, неожиданные гости из далекого Рима. Больно... даже здесь, на этом берегу, больно. Готовые сражаться пали. Смирные уцелели.

Он умолк.

Теперь была очередь Цезаря вспоминать.

Я думал прежде, что Галлия за Альпами — страна лесов и диких зверей, где изредка встречаются бедные хижины, но я пришел и увидел, что среди густых лесов стоят прекрасные усадьбы, и зачастую они не уступают богатством римским. Разумеется, постройки варваров не поражали роскошью. Более того, даже дома знатных галлов — это одноэтажные деревянные строения с низкими потолками, материал для них — бревна и глина. Но амбары наполнились зерном, в конюшнях стояли отличные лошади, в хлевах — скот. Не чувствуя опасности, галлы жили в усадьбах вдали друг от друга. Хотя зачастую встречались деревеньки на два-три десятка домов, огороженные частоколом, иногда — обнесенные каменными стенами. Дома же бедняков — это вырытые в земле ямы с глиняным полом, над которым устанавливались деревянные жерди. Сверху крыша с отверстием в центре, под отверстием располагался очаг. Иногда устраивали невысокие стены — обмазанный глиной плетень. Зато свиней разводили множество — их пасли в дубравах, где они поглощали невероятное количество желудей. Тит Лабиен клялся, что нигде не пробовал такой восхитительной свинины, как в Галлии. «Одна беда, — добавлял Лабиен всякий раз, когда мы обедали с ним в моей палатке командующего, — хорошие повара здесь большая редкость».

На удобных плато стояли города. Мы называли их оппидумами. Внутри за стенами не было таких домов, как в Риме — многоэтажных инсул, особняков и уж тем более — базилик. Здесь встречались только небольшие строения с конюшнями, амбарами, хлевами. Мастерские. В Бибракте у эдуев был целый квартал, занятый кузницами. Но оппидум — это прежде всего крепость, расположенная либо на холме с отвесными склонами, либо окруженная реками и болотами. Удобная дорога зачастую только одна. Стены крепостей высокие и прочные. Оппидумы для того, чтобы народ со всей округи мог укрыться в случае опасности. В крепостях также находились склады с зерном, а на реках — склады с товарами торговцев. В оппидумах заседали местные сенаты племен, главы общин собирались на свои съезды, здесь заключали торговые сделки и устраивали суды. Во время восстания галлы своими руками превращали усадьбы, деревни и оппидумы в руины. День за днем на нашем пути поднимались столбы черного дыма. Десятки черных столбов тянулись к высокому синему небу. Мы подходили ближе, и жирный пепел осыпал наши головы и плечи натающим грязным снегом. Иногда на руинах мы

встречали древних стариков и старух, которые не желали уходить из родных селений, и оставались на пепелищах. Молодые же предпочитали уничтожить дома и деревни, нежели попасть в рабство вместе с женами и детьми. Мне передавали, что однажды галлы сожгли двадцать городов за один день.

Повстанцы в Кенабе, расправившись с римлянами, тоже собирались сжечь свой город и уйти в леса, не дожидаясь возмездия за содеянное. Но они не учли одного: я со своей армией появился под стенами их городка прежде, чем они поняли, что произошло. Мои легионеры ворвались внутрь стен в результате молниеносного броска. Скорость зачастую решает все. Как быстро ты думаешь и как быстро движешься. Когда под стенами Кенаба засверкали римские орлы, жители города были так ошеломлены, что даже не стали обороняться. После предательства молить о снисхождении бесполезно. Все население мы перебили.

На другое утро после штурма, проснувшись, я, к своему изумлению, почувствовал запах свежее испеченного хлеба, по которому мы так соскучились. В тот день я вступил в город вместе с моими легионерами. Хижины во многих местах еще горели, на улицах лежали трупы, легионеры бродили от дома к дому в поисках золота или бронзы. Но все самое ценное уже вынесли их более удачливые товарищи и сложили в кучу на главной площади города для последующей раздачи воинам. Фуражиры доставали из хранилищ зерно и делили найденное на две неравные части — меньшая должна была достаться римскому гарнизону в Кенабе, остальное отправляли в лагерь для снабжения воинов в грядущем походе. Последними в город вошли легионные рабы с телегами для трупов. Их задача была вывезти погибших из кольца стен, дабы римский гарнизон не опасался болезней. В очередной раз я заметил, как мертвые сильно меняются. Особенно убитые во время штурма или после. Они валялись в грязи, в изодранной одежде, с обезображенными лицами и всклокоченными волосами. Даже дети, голые или в коротеньких туниках, выглядели так, будто это были не люди, а тюки с каким-то тряпьем, перемазанные в дорожной жиже. Рабы, прежде чем погрузить очередной труп на телегу, осматривали тела, отрезали распухшие пальцы, чтобы снять сохранившееся колечко или браслеты, или срывали с шеи торквесы. Один из парней, сильный широкоплечий человек лет тридцати, наверняка в любых работах стоящий двоих, полоснул кинжалом по горлу женщины, тело которой только что водрузили на телегу, засунул пальцы в разрезанное горло и вытащил что-то на свет. Я увидел, что это золотое кольцо в виде сплетенных змей. Чтобы проглотить его, женщина сплющила колечко в комок. За рабами наблюдал один из легионеров — чтобы невольники не присваивали найденное, а кидали в заготовленный для находок кожаный мешок. Когда всё закончится, на главной площади я наделю солдат их долей добычи, которую тут же скупит удачливый ликс¹⁶ из нашего обоза.

К вечеру улицы Кенаба были очищены, рабы нарубили хворост и устроили погребальный костер. Но сжечь за раз такое количество трупов они не смогли, тела лишь обуглились и их оставили гнить в оврагах.

А мои фуражиры получили возможность пополнить запасы зерна и раздать положенный паек на пять дней, по два фунта пшеницы на каждый.

Галлы обожали золото. Знатные воины носили множество украшений — торквесы и браслеты исключительно из золота, золото вплавляли в доспехи. В их святилищах оно лежало, никем не охраняемое. Да, золота в святилищах Галлии было так много, что цены на него в Риме упали на треть. Я щедро оплачивал услуги своих сторонников в Городе. Промотавшиеся нобили брали деньги, но не спешили выполнять обещания. Думали, что смогут использовать

¹⁶ Ликса — снабженец армии, маркитант.

меня, присвоить мои победы, как присвоили золото, и заставят меня делать то, что укажет Сенат, то есть отдадут под суд и отправят в изгнание после того, как я сложу с себя полномочия проконсула и вернусь в Италию, не защищаемый более ни легионами, ни законами.

Катон ждал меня, как охотник ждет свою жертву. Помпей колебался...

Сын Кельтиллы глянул куда-то вверх, где должно было быть небо, но Цезарь видел только сивые клубы медленно плывущего тумана.

— День заканчивается, Цезарь. Новоприбывшим не разглядеть закатов на здешнем берегу. Разожги костер и жди гостей. Они придут. Чтобы насытиться твоими бедствиями.

Цезарь тоже поглядел наверх. На первый взгляд ничего не изменилось — все тот же серый бессолнечный свет, все те же затянутые туманом берега. Но он не стал спорить с провожатым. Ему вдруг почудилось, что сейчас он сидит на том мешке из Кенаба, набитом мелкими украшениями, и невольно привстал. Но нет, никакого мешка не было — черные доски лады были гладкими, как будто отполированными, и блестели в мутном белом свете.

Верцингеториг причалил к берегу, и Цезарь вышел из лады. Вождь галлов остался на корме.

Цезарь принялся собирать плавник, разбросанный на берегу. Его было довольно много, как и сухой травы. Собрав пищу для большого костра, римлянин вдруг понял, что ему нечем разжечь огонь. Он повернулся к ладье, чтобы спросить у провожатого трут и кремень, если у него таковые имеются, но увидел, что лады больше нет. Она исчезла вместе с кормчим.

Туман между тем казался густым, будто жидкая каша. Там и здесь в его глубине рассыпаны были зеленые мошки. Они мигали, моргали и двигались. Цезарь поднялся и шагнул ближе к этому белому густому молоку. Туман отступил. Новый шаг. И снова — отступление. Казалось, туман становится гуще. Зеленые светляки исчезли. Цезарь вернулся к заготовленному для костра топливу. Этот однообразный туман его раздражал. Как прежде раздражала вывернутая рука, не желавшая повиноваться.

— Я любил произведения искусства, — сказал Цезарь вслух, — мраморные мозаичные полы, статуи, картины. Я мог любоваться закатом или восходом на озере Ларий, или смотреть на отроги Альп, покрытые снегом, предаваясь ни с чем несравнимому волнению. Но здесь нет ни вилл, ни статуй, ни картин. И от деревьев уцелели только голые мертвые стволы с ветвями, похожими на обрубленные руки. Обрубленные руки...

А вокруг камни, песок, туман.

Тем временем где-то рядом раздались шаги, кто-то невидимый шел по берегу. Цезарь сидел на камне, ожидая. Он вдруг понял, что не ощущает биения крови в висках, что на губах его нет дыхания. А шаги все приближались, шуршали камешки под подошвами. Цезарь поправил тогу, как мог, и постарался принять полный достоинства вид. Поднял руку к голове — проверить, на голове ли золотой венок, который надел, отправляясь в Сенат. С удовлетворением обнаружил, что венок на месте.

Внезапно из тумана выступил человек в металлическом нагруднике и военном плаще, с древком от знамени¹⁷ в деснице. Он склонился к собранной пище для костра и щелкнул

¹⁷ Имеется в виду древко легионного орла. Орлы были серебряными, покрытыми позолотой. Поэтому иногда говорят — золотые орлы.

пальцами. Огонь вспыхнул, пламя охватило траву и плавник, ударило вверх, рассыпая снопом искры.

Книги Александрийской библиотеки горели почти так же ярко.

— Четыреста тысяч свитков пожрал огонь. Я вел в Александрии сражение на два фронта — одновременно оборонял дворец и гавань. В гавани было полно боевых кораблей египтян, я понял, что гавань мне не удержать, и велел поджечь корабли. Огонь перекинулся с горящих трирем на причал, на сложенные в футлярах книги. Книги горят охотно, как будто созданы для того, чтобы умереть в огне. Что касается знаменитой библиотеки, так она не пострадала. Слух, что она сгорела, посетители библиотеки распустили для того, чтобы забирать редкие свитки из других библиотек побережья Нашего моря¹⁸.

Цезарь не был уверен, что говорит всё это вслух или что гость его слышит.

Человек распрямился. Тонкогубый рот раздвинулся в улыбке. Длинные черные волосы, маленькая щегольская борода. Острые скулы. Гай Юлий узнал Катилину.

— Приветствую тебя, Цезарь, — сказал один несостоявшийся союзник другому. — Сегодня отличный день! Просто замечательный день! Наконец-то ты здесь!

Катилина рассмеялся, воткнул древко, на котором больше не было золоченого орла, в песок и подсел к огню.

Глава 2. Катилина

Луций Сергей Катилина. Человек, желающий странного. Патриций, о котором ходили мерзкие сплетни. Слухи о его похождениях, его бесчинствах и его бесчисленных долгах. Жесткое лицо, острые скулы. Чем известен? Да, собственно, ничем. Разве что беспутством и дерзостью запредельной. И еще тем, что ввел моду носить маленькую острую бородку. Кажется, только наглец Клодий спустя несколько лет сумел его переплюнуть. Но своей дерзостью Луций Сергей привлекал к себе людей. А еще он умел с поразительной легкостью наживать состояния и так же легко их проматывать — на подарки, на дерзкие авантюры, на кутежи. Разбогател на проскрипциях Суллы, скупая за бесценок конфискованные имения и продавая за двойную цену. Но деньги эти исчезли так же быстро, как и появились. Марк Красс Богатый точно таким же способом наживал состояние. Но Красс сумел умножить добытое, Катилина же все растратил. Зато энергии ему было не занимать. Добился должности претора в консульство Цецилия Метелла и Квинта Марция Рекса¹⁹. Затем два года распоряжался как пропретор в Африке. Из Африки вернулся богачом, но эти деньги испарились так же быстро, как и появились. А вслед за Катилиной в Рим помчались послы из провинции — жаловаться на лихоимство бывшего пропретора.

Вокруг него всегда вертелись молодые — такие же, как он, потомки некогда славных родов, потерявшие состояния, все в долгах, но жаждущие получить магистратуры и миллионы. Получить всё сразу, без усилий, как будто выиграть в кости одним броском, когда выпадает Венера очко²⁰. С Катилиной было весело, интересно, ярко: он щедро одаривал нищих друзей — кому любовницу, кому лошадь или собачку. В Риме его всегда сопровождала толпа клиентов и сторонников. Он из тех людей, о ком говорят, что нетерпеливый салом подмазывает ось²¹.

Обожавший скандальную славу Катилина был уверен, что дерзость ему поможет, он яростно добивался должности консула и уже видел себя избранным... Но в первый раз его не

¹⁸ Наше море — Средиземное море.

¹⁹ 68 год до н.э.

²⁰ То есть на костях выпали шестерки.

²¹ Поговорочное выражение, так говорят о без толку торопливых людях.

допустили до выборов. Пришлось пропустить год из-за судов. Он решил, что первая неудача — случайность, и снова попытался получить высшую магистратуру Республики. И снова провал — поражение на выборах! Хотя в этот раз он был уверен, что Народное собрание проголосует за него, что все трибы скажут «да»! Не вышло. Это привело Катилину в ярость. Неудача ошеломила его, он не мог поверить, что консулат, положенный ему по праву, как только наступит его год²², достался другому. Не мог поверить, что одним из консулов стал выскочка из Арпина, новый человек²³ Цицерон. Для такого гордеца как Катилина это был вдвойне унижительно. Рассказывали, что после поражения он на время как будто утратил разум. Высшая магистратура в Республике — желанная цель, властолюбивый Рим обожает победителей. Но дополнительная награда не менее важна: после консулата избранник становится проконсулом и получает в управление одну из провинций. Проконсулы не возвращаются в Рим бедняками. Разумеется, он мог выдвинуться в консулы на следующий год, но на третий заход уже не было денег, а Цицерон, кажется, поставил перед собой одну-единственную цель: не дать дерзкому патрицию избраться и в этот раз. Катилина в итоге так и не сделался консулом, а стал организатором невинного заговора. Можно сказать, что это был заговор должников, которые не знали, как расплатиться по векселям и где добыть звонкую монету. Аристократы, гуляки, авантюристы. Заговор отчаяния. Заговор порушенных планов. А что было в этих планах? Цицерон утверждал, что они хотели сжечь Рим и перебить Сенат. Насчет Рима — сомнительно, вряд ли кому-то может прийти в голову подобное. Разве что устроить пару пожаров для сумятицы в разных районах Города. А вот сенаторов стоило проредить и проредить существенно.

Да, заговор был составлен, Катилина с друзьями строили планы. Но, казалось, сами заговорщики делали все, чтобы потерпеть поражение. Расчет? Тонкая интрига, поиск союзников и денег? Ничего этого не наблюдалось. Что может быть глупее, чем выдать письменные обязательства участвовать в заговоре и вручить эти письма разочарованным вождям галльского племени, которые без толку искали заступничества в Риме? В итоге все доказательства вины попали в руки Цицерона. Консул, умница, «собрал сведения», как он потом кричал на каждом шагу. Все пятеро, что отдали свои письма галлам, были казнены. Дорого потом это обошлось Цицерону.

«Доколе!» — восклицал консул на заседании Сената, эффектно протягивая в сторону Катилины руку. Срок полномочий Цицерона заканчивался, и разоблачение заговора становилось эффектной концовкой довольно скучной пьесы. Союзники Катилины пытались убить Цицерона, но так же безрезультатно, как на другой год сам Катилина повел в бой своих немногочисленных сторонников. Повел в бой и погиб, сжимая в руках древко знамени. Красивая и бессмысленная смерть.

Луций Сергей Катилина огладил свою маленькую бородку, откинул упавшие на лоб волосы и уселся напротив Цезаря у огня.

— Зачем ты разжег костер на этом берегу? — спросил Катилина.

В его черных глазах плясали два крошечных костра-отражения.

— Неужели тебе холодно? — продолжал Катилина. — Замерз? Или, как всегда, привлекаешь внимание?

— Ты же сам поджег этот костер, — напомнил Цезарь.

— Хех... Ну, раз хворост собран, его надо подпалить. Жаль только, что здешний огонь греет слабо. Можно спокойно засунуть руку пламя и ничуть не обжечься.

И он погрузил пальцы в огонь, ухватил сияющий красным обломок ветки и вытащил наружу, несколько раз махнул им, как факелом, и отбросил в песок. Обломок еще несколько мгновений тлел, затем рассыпался серым прахом.

²² То есть, когда кандидат достигнет положенного для консула возраста.

²³ Новый человек — тот, в роду которого не было предков, занимавших высшие магистратуры.

Судя по всему, бешеный нрав, упорство и смелость Катилина унаследовал от своего прадеда Марка Сергия, героя войны с Ганнибалом. За две военных кампании Марк Сергий получил двадцать три раны, покалечил ногу и лишился кисти правой руки. Но, несмотря на такие увечья, он все равно отправился на войну с Пунийцем. Бился левой рукой, потом сделал себе железную правую руку, держать меч в деснице уже не мог, но удачно цеплял к правой руке щит и сражался левой. Если в битве под ним убивали лошадь, он пересаживался на нового скакуна и бился дальше. Он попадал дважды в плен к Ганнибалу, его держали в цепях, поскольку римский пленник не давал слова быть послушным, и оба раз бежал. Судьба всякий раз ему помогала, в отличие от правнука.

Заговор Катилины стал для Цезаря предостережением и уроком: чтобы дело закончилось успехом, его надо старательно подготовить. Пускай это займет месяцы и годы. Но когда в твоём распоряжении одиннадцать легионов ветеранов и груды золота из галльских святилищ, нет нужды требовать справедливости у Сената, писать оправдательные письма и заявлять, что ты готов добровольно удалиться в изгнание. Нет, Цезарь не был готов уступить. И никогда не был готов, ни в юности, ни тогда, когда истекал срок его полномочий в Галлии. Не готов уступить Рим таким, как Катон Младший или рыжий Агенобарб, который погиб в битве при Фарсале. А ведь Цезарь отпустил Агенобарба из плена в самом начале гражданской войны и даже позволил забрать с собой личную казну. А тот сразу же помчался к Помпею.

Они могли бы стать с Катилиной союзниками — ибо этот человек обладал многими достоинствами — умом, смелостью, твердостью. Вот только расчетливостью он не обладал. Но что мешало ему несколько лет спустя воевать легатом в Галлии, а затем — получить консульство из рук самого Цезаря? Разумеется, в их союзе Катилина мог занять лишь второе место.

— Не находишь, что мы схожи с тобой, Гай Юлий? — скривил тонкие губы Катилина. — Оба — патриции, с юности в долгах без надежды их вернуть, разве только как грабежом, оба желающие странного. Оба — решившие уничтожить Республику, потому что она, бедняжка, отжила свое, надо было прекратить ее мучения ударом меча. И заменить суету, склоки и подкуп своей диктатурой. Я — пытался. Ты — преуспел. Я хотел дать этому огромному чудовищу свою голову, а ты говорил: «Республика ничто, пустое имя без тела и облика».

— Я сделал так, чтобы слова мои считались законом, а ты не смог.

— Не смог, потому что ты предал меня, Гай Юлий. — Катилина прищурился. — Ты же был с нами в тот вечер, когда я произносил свою знаменитую речь перед заговорщиками. Неужели не помнишь? — Он встал, принял позу оратора. — «Меня охватывает негодование, как подумаю, в каком положении мы окажемся, если сами не защитим своей свободы. Ибо с того времени, как кучка могущественных людей целиком захватила власть в государстве, мы, все остальные, деятельные, честные, знатные и незнатные, стали чернью, лишенной влияния. Всякое могущество, все магистратуры и богатства находятся у них в руках. Нам же оставили только неудачи на выборах, судебные преследования, приговоры, нищету». Хорошая получилась речь, не так ли? Жаль, что за меня ее сочинили. Я говорил примерно то же самое, но совсем иначе. И я требовал отменить долги. Для чего еще существуют деньги, как не для того, чтобы их тратить? Старики этого не понимают. В какой-то момент займодавцы наглеют, и долговые расписки начинают тебя душить. Этот гордиев узел надо рубить одним ударом. Уплатить долги? Они появятся снова. Но... можно сделать, как ты, — взломать двери храма Сатурна и забрать государственную казну, даже если на пути у тебя встал народный трибун. Я восхищаюсь тобой, Цезарь! Ты неподражаем. Вот только я не смог бы столько лет ждать и месяцами готовить удар по твердолобым сенаторам. Ждать — самое мерзкое занятие на свете.

Наверняка Катилина раз за разом произносил свою речь, скитаясь по пустынному берегу в тумане, наслаждался яркими фразами и звонким слогом, и казалось ему, что он вновь со

своими сторонниками на тайном собрании. К сожалению, звонкие фразы не могут заменить звон золота.

— Нет, меня не было с вами в тот вечер, — заметил Цезарь сухо.

— Неужели не было? Я ошибся? Не может быть! Или... — Катилина скорчил удивленную гримасу. — Слушай, а ведь правда, ты не пришел, хотя тебя звали. Как же так? Неужели Гай Юлий был настолько осторожен? Гай Юлий обещал, много раз обещал, но ни разу не участвовал, лично не приходил, подсылал доверенных лиц. Твоя любовница Сервилия была участницей заговора, а ты нет? Мне стоит поверить тебе здесь, на этом берегу, где любая ложь теряет смысл?

— Я защищал тебя, как мог. Только благодаря мне тебя оправдали за те злодеяния²⁴, что ты совершил во время правления Суллы. Ибо я был председателем суда. Потом я заступился за твоих друзей в Сенате. Я предлагал сохранить жизнь заговорщикам. Многих убедили мои доводы. Если бы не Катон...

— Да плевать всем на доводы! Причем тут доводы?! Ты просто не был яростен так, как праведный Катон. Не брызгал слюной, не выкатывал налитые кровью глаза. Ты выглядел рассудительным старичком; не горяч, а едва теплился, как этот посмертный костер. Катон впился зубами в отцов-сенаторов, заставил их поверить, что Республика жаждет крови. Твои робкие попытки отвергли, заговорщиков казнили.

— А меня обвинили в соучастии, как ты помнишь. Все же он был жуткий дурак, этот Катон. Твердолобый как медный баран, которым пробивают ворота. Ума на полпальца. Явился на праздник Флоры и демонстративно ушел, чтобы показать свою старо-римскую праведность. А то он не знал, что на празднике Флоры зрители отпускают фривольные шуточки, а танцовщицы сбрасывают одежды? Или он наготы женской не видел? В этом весь Катон — с его напускной добродетелью.

— Но умер он доблестно, — напомнил Катилина. — В этом мире имеет значение, как ты ушел с той стороны. Погиб в бою, принес свою жизнь в память Республики или тебя зарезали как жертвенное животное у подножия статуи твоего врага.

Цезарь оценил выпад Катилины, но сделал вид, что не заметил нанесенного удара. Цезарь был уверен, что сможет действовать даже здесь. А вот Катилина — не сможет.

— Единственная цель жизни Катона — уничтожить меня. Каждый раз он выступал против любых моих предложений, это доставляло ему особое удовольствие. Как же он старался, прямо из кожи вон лез, чтобы не дать мне избраться в консулы в первый раз²⁵. У меня был выбор: просить у Сената триумф или идти на выборы. Одно исключало другое. Катон думал, что я выберу триумф, будто глупая рыба приманку. Но я отказался от почестей в тот раз и выставил свою кандидатуру на выборы. Зато потом, когда я стал диктатором, как сенаторы лебезили и усердствовали! Как спешили назначить мне благодарственные молебствования и даровали право носить пурпур и восседать в золоченом кресле. Вся их надменность в один миг обернулась жалкой трусостью.

— По сравнению с тобой, Цезарь, все глупцы! — Катилина сказал это с явной издевкой.

Цезарь сделал вид, что не заметил его насмешки. Он умел быть любезным со всеми при жизни, даже Катутла простил за его мерзкие стишки про Цезаря и Мамурру²⁶.

Глупо злиться здесь и теперь.

— И все же Катон... — Цезарь произносил это имя, понижая голос, почти шепотом. — Я не могу вспоминать о нем с равнодушием. У меня по-прежнему сводит скулы при звуке этого

²⁴ 64 год до н.э.

²⁵ В 60-м году, избрание на 59 год.

²⁶ Мамурра — начальник инженерных войск у Цезаря, талантливый инженер и талантливый стяжатель. Инженер — исключительный, а стяжатель — как многие.

имени. Катон меня так бесил, что я отправил его в тюрьму, когда он встал плотинкой на пути моего закона о ветеранах Помпея. Тогда с Великим мы были в союзе. Правда, Катона пришлось вскоре выпустить из узилища.

— Неумный ход умного Цезаря. Если только ты не хотел окончательно сделать Катона своим врагом. Но ты все же победил его. Или... нет? — Катилина прищурился, ожидая ответа. — Будет забавно, если он здесь начнет тебя преследовать с той же яростью, с какой это делал при жизни.

— Преследовать? Но зачем?

Катилина не ответил, снова уселся, протянул руку к огню, потом отдернул.

— А твой костер жарче моего, — заметил он. — Иногда мне кажется, что здесь невыносимо жарко. Ты заметил: здесь нет ветра. Ни дуновения. И воздуха как будто нет. А как хочется вдохнуть свежий воздух! Все время кажется, что задыхаешься. Понимаю, привычка. Привычка дышать, привычка есть, привычка драться, чтобы победить. Привычка ненавидеть.

— Ложь здесь нелепа и не имеет смысла, — согласился Цезарь. — Неважно, во что мы верим или не верим, важно, что запомнили там, где мы прежде были, кого они превозносят теперь, а кого проклинают. Меня будут боготворить, а тебя — проклинать.

— Начнут с проклятий, потом полюбят.

— Это вряд ли. Ты проиграл, и твое имя смешали с грязью. Чего стоит одно обвинение в убийстве сына...

Катилина внезапно снова вскочил. Не имея другого оружия кроме древка от потерянного орла, он схватил это древко и направил Цезарю в грудь медное острие, которое втыкают в землю.

— Клянусь знаменем, подле которого нашли мое пронзенное в четырех местах тело, я не убивал моего Луция! Не смей говорить! Молчи! — он топнул ногой и ощутимо ткнул медным острием Цезаря в грудь. Ощутимо, но безболезненно. Потом отступил на шаг. — Я любил моего мальчика! Он читал по-гречески и говорил, что твой грек! А считал так, будто лучше учителя знал ответ. И стихи сочинял не хуже Энния. А ведь Луций еще не снял детскую тогу! Проклятая лихорадка, что приходит в Город вместе с созвездием Псов. Он сгорел в три дня. О, великие боги! Какие дары я обещал в храмы, только бы он выжил. Я молился Эскулапу и Аполлону, и всем слугам велел молиться. Я, не верящий ни в каких богов! В такие мгновения каждый из нас слаб. Я сжег его игрушки на костре, а собачек принес в жертву подземным богам. И выл как пес над урной с его прахом. Да, я женился на прекрасной Аристилле почти сразу после смерти моего мальчика. Я сходил с ума по этой женщине — вот и весь повод для грязных слухов. Римлянин не может любить женщину так, чтобы потерять голову. Чтобы жаждать лишь одного на свете — обладать ее роскошным телом, целовать ее сладкие губы. Страсть позорна. Похвален лишь расчет. Но, как наш добродетельный Катон, я бы не стал уступать ее никому. Никому и никогда!

Цезарь не стал отвечать вслух, лишь кивнул. Хотя — кто отличит в мире за Ахероном мысли от слов?

Я отлично понимал бессильный гнев Катилины. Ловко брошенная грязным языком клевета навсегда прилипает колючим репьем к самой белой одежде. Как нелепая выдумка про мое посещение спальни царя Никомеда преследовала меня потом всю жизнь. Зачем, для чего могла мне понадобиться эта гнусность во время поездки к Никомеду? Мне, римскому патрицию, который не испугался преследований Суллы в шестнадцать лет? Стал бы я унижаться перед каким-то жалким правителем Вифинии, чья казна пополнялась за счет продажи в рабство свободных подданных? Это ничтожное существо, окруженное толпой паразитов, любов-

ниц и льстецов, пятидесятилетний толстяк, легко поддавался на лесть и верил самым нелепым обещаниям. Или его потное жирное тело и гнилые зубы могли разжечь во мне огонь Венеры? Разумеется, я не преминул посулить ему помощь Сената и защиту римской армии в обмен на вифинский флот и солидный подарок золотом. Я просто использовал тщеславие глупого царька. Он обхаживал меня, как будто я уже сделался повелителем Рима, угождал с истинно восточной приторностью, посылал мне самых красивых девушек в спальню, дарил браслеты и лучшие ткани. Мне нравилась его угодливость. К тому же по первому кивку он наполнял золотом мой кошелек, который в те годы неизменно пустовал. Потом эту грязную басню дополнили выдумкой, что я служил на пирах Никомеда виночерпием, будто сделался его рабом или шутом²⁷, как какой-нибудь раб или вольноотпущенник. Печально, но мерзкие выдумки не стереть, их никогда не забывают.

— Никому победа не дается просто так, — Цезарь отвел тыльной стороной ладони направленное в лицо острие. — Я много лет воевал в Галлии, добывая славу. Но не только. Я выковал мои железные легионы. Искусные центурионы, преданные воины. Или ты думал, что, собрав вокруг себя два десятка неудачников, можно чего-то добиться в Риме? Даже если в твоём распоряжении деньги Марка Красса Богатого! Глиняные миски, наполненные бесплатной едой, на дне которых нацарапано твоё имя, не доставят тебе победу.

Катилина как будто не слышал сомертвеца.

— Я должен был победить на выборах. Я — патриций из рода Сергиев! А не этот выскочка Цицерон! «Ромул из Арпина». Жалкий прыщ, плебей, у которого удачно подвешен язык! С полными гноя глазами и ядом на языке.

Катилина воткнул древко в песок. Выдернул. Снова воткнул. Как будто под слоем песка корчился новый человек из Арпина.

— Может быть, Цицерон полон слабостей, но он не жалок. И ты не победил.

Катилина снова воткнул сиротливое безорлиное древко в песок и уселся у костра.

— Республика мертва, её труп воняет, это всем ясно.

— Большинству хватит декораций. Выборы давно никого не волнуют. Разве что тех, кто продает свой голос кандидатам за звонкую монету. Нужна твердая власть. Люди будут жить в мирных деревнях и городах, а все искатели приключений отправятся служить в легионы.

— Ну, надо же, у тебя, Гай, получилось почти государство Платона. Но, чтобы воплотить такое в реальность, придется убить многих. А потом держать в городах много-много стражей, чтобы они расправлялись с непокорными. Привычка — это злая отравка. Римляне привыкли, что каждый год приходят новые консулы. Каждый год проводят выборы. Колесо вращается. Меняются люди, но мир остается прежним. Даже тебя римляне не приняли с твоим хвалёным милосердием. Не поняли, с какой такой стати ты можешь проявлять это самое милосердие? Сулла, упившийся, как огромный комар, крови, был вынужден уйти и наблюдать издалека за тем, что творится в Городе. Я поднял мятеж, потому что больше не было сил барахтаться в этом вонючем болоте. Да, я не знал, в чём цель. Не знал, что с этим со всем делать. Решил так: получу власть, а там будет видно. По пути найдется решение. Ведь и у тебя, Цезарь, не было даже самого примитивного плана. Только красивая картинка для дураков — это я про твоё почти платоновское государство. Даже если бы ты добился нового консульства, как того желал поначалу, что потом? Наместник в Сирии? Война в Парфии? Идти по стопам Красса? И сгинуть под стрелами парфян? В этом была твоя цель, когда ты переходил Рубикон?

²⁷ Богачи держали в своих домах среди слуг шутов (scutта). Порой шуты разных господ затевали меж собой шутовские поединки, разыгрывая на потеху гостей и хозяев нелепые сценки.

— Я бы вновь избрался консулом как Марий. Семь раз подряд, десять раз подряд. Да хоть двадцать. И я бы не проиграл сражение парфянам. Я умею готовить кампании и делать выводы из ошибок, своих и чужих. Умел...

— Консул на пару с Брутом! — расхохотался Катилина. — Так себе план, Цезарь. Гражданской войны было не избежать. А теперь уже ничего не исправить. Всё совершенно. И далее всех несогласных, всех жаждущих восстановить выборы и власть Народного собрания безжалостно истребят. Но мы тут уже не причем. Мы можем лишь вспоминать. Для таких, как мы с тобой, нежизнь — страшнейшая кара. Знаешь, по чему я здесь больше всего скучаю? Угадай! — нетерпеливый, как при жизни, Катилина не стал дожидаться ответа. — По нашим словесным баталиям и дракам на Форуме. По спорам до хрипоты. Здесь ведь никто ни о чем не спорит. Начинаешь говорить, а твой собеседник убегает, уходит в туман. Здесь никто не хочет возражать или доказывать. За Ахероном у каждого своя правда... — Катилина вздохнул. — А еще тоскую по хорошему вину. Хиосскому или фалерну. И по жареной свинине под шафрановым соусом. И по кровяным колбаскам на Сатурналии. А как вкусен бывал тушеный заяц. А еще — дрозды... Или пиценские маслины... М-м-м... — Катилина облизнулся. — Иногда охватывает нестерпимое чувство голода. Просто зверское желание что-нибудь сожрать. Но есть тут нечего. Разве что растения на берегу. Жевать их водянистые стебли? Но у них такой отвратительный вкус. Как у чужой победы.

— А по женщинам не скучаешь? — спросил Цезарь.

— Женщины? Они где-то здесь. Но почти не волнуют. Разве что смущают своей наготой. Обычно они не носят одежду. Даже весталки. Ходят, трясут обвисшими грудями. Будто сожалеют о том, что при жизни не довелось узнать жарких мужских ласк. Даже Аристилла меня больше не влечет. Хотя она прекрасна, как прежде, и порой ложится рядом и гладит меня по руке, будто я маленький мальчик...

— А вино? Разве его можно здесь пить?

— Нет, пить нельзя. Но можно пригубить. И ощутить вкус. С женщинами так же. Касаешься их и кажется, что все возможно. Но нет, на самом деле уже нет. Мы все здесь бессильны. Даже весталка Фабия меня больше не волнует.

— Так ты был с нею в любовной связи или нет?

— Как ты помнишь, девушку оправдали. Какая же глупая глупость: запирают девчонок в доме, обрядить в отвратительные тряпки и заставлять следить за огнем в очаге. И так тридцать лет. Когда молодость пройдет и волосы поседеют, можно уйти из этого нелепого заключения. Во имя чего? Во имя Рима! Чтобы отвести от него беды. Кто из весталок теперь верит в эту чушь? Единственное развлечение — отправиться в театр или поглядеть игры, сидя в особой ложе.

— Так да или нет? — Цезарю было интересно, как далеко этот человек готов был зайти в своей дерзости.

— Даже здесь не всем дано знать наверняка. Даже тебе, Цезарь! — оскалился Катилина. — А Фабия была красива даже в этих белых тряпках. Какие глаза! Ресницы темные, пушистые. А груди... — Он умолк. — Ее оправдали, потому что она не потеряла невинности. Не рискнула. Наверное, сводная сестричка, жена Цицерона, остерегла. Сказала, ничего *в этом* приятного нет. По муженьку судила.

— Кстати, после раскрытия заговора и твоей гибели Цицерон купил себе новый дом. — Цезарь умел быть любезным, но также умел уязвлять. — Марк Туллий заявил, что раз он — «Спаситель Отечества», умело раскрывший заговор Катилины, не пристало ему обитать в скромном доме на склоне Оппия²⁸. Консуляр должен жить в роскошном особняке Красса

²⁸ Оппий — один из холмов Рима.

на Палатине. Его не смущало, что по соседству стоял дом Клодия, а с другой стороны дом Метелла, то есть дом сестры Клодия²⁹...

— Красавица, Волоокая, видел ее здесь... Иногда одну, иногда с братом. — Катилина на миг задумался. — Самая красивая женщина Рима, чьи глаза ни одного мужчину не оставляли равнодушным. Только здесь, вот беда, у нее бельма вместо глаз.

— Дорогой домик — три с половиной миллиона, Цицерон почти всю сумму набрал в долг — к счастью для него за половинный процент³⁰. Больше всех одолжил ему племянник диктатора Суллы Публий Корнелий, которого Цицерон потом защищал в суде, причем успешно. И нимало не смущался тем, что такие отношения должника и займодавца не делают его защиту бескорыстной³¹.

— Зачем ты повторяешь имя этого «Ромула из Арпина»? Хочешь меня разозлить?

— Я выучил урок Цицерона и о своих деяниях рассказывал сам. Весь Рим читал мои «Записки о Галльской войне». Читал и восхищался.

— «Записки о гражданской войне» тоже приводили граждан в восторг?

— Мои книги научили римлян принимать неизбежное.

— Получается, моя вина в том, что я проиграл, а твоя слава в том, что ты сумел победить и еще состряпал книжки про свою победу? А ты знаешь, что наш красноречивый Цицерон скоро умрет страшной и унижительной смертью? Покорно обнажит жирную шею, чтобы центуриону сподручнее было рубить мечом. Его голову и правую руку выставят на Рострах³². Император Цицерон³³! — Катилина рассмеялся резким лающим смехом. — Мечтал получить триумф за свои якобы победы. Я хотя бы умер в бою рядом со знаменем.

— Откуда ты знаешь о судьбе Цицерона?

Помня характер Катилины, легко было вообразить, что он мог выдумать любую нелепость.

— Мнемосина, главная река этого мира, видишь? — Луций Сергей указал древком знамени в сторону берега. — Серая, как расплавленный свинец, где черное и белое смешалось до неотличимого. Река памяти. Она всё расскажет тому, кто умеет слушать.

— А как же Стикс?

— Стикс-Ахерон — это граница. Его берега принадлежат двум мирам. На том — уже не живые, но еще не упокоенные, на этом — те, кто переправился после обрядов к мертвецам. Мнемосина другая, не походит на Стикс, стоит на месте, но все время течет по кругу. Время течет. Капает вода в клепсидре. Но река памяти вне времени. Будущее и прошлое здесь сосуществуют одновременно. Но в будущее не так просто пробиться. Думаешь, только у твоего давнего друга Верцингеторига имеется ладья? Один круг на лодке — один год. Или останешься в том времени, когда умер. А если обзавелся челноком, можно плыть следом за временем, а можно опережать, узнавать будущее, видеть врагов павшими, любоваться, как топчут того, кто воображал себя непобедимым. Я привык опережать.

— У тебя есть ладья? И где же она? — Цезарь демонстративно огляделся.

— У меня нет. Но есть те, кто готов меня подвезти. До Брута тебе меньше трех кругов. И помни, с каждым кругом воспоминания меняются, как меняются сама река и ее берега.

²⁹ Клодия была замужем за Метеллом Целлером. Волоокая — в Риме не обидное прозвище, напротив, это комплимент красоте. Волоокой называли богиню Юнону-Геру.

³⁰ То есть под шесть процентов. Дом был куплен в декабре 62 года до н.э.

³¹ В те времена защитник в суде не должен был брать денег с подзащитного — в случае успеха он получал только славу, что способствовало его политической карьере. Насколько это правило соблюдалось, трудно судить — подкуп в I веке до н.э. стал неотъемлемой частью римской жизни.

³² Ростры — трибуна ораторов в Древнем Риме, украшенная носовыми таранами трофейных кораблей (рострами).

³³ Цицерона во время его наместничества в самом деле провозгласили императором. Император здесь по отношению к Цезарю и Цицерону — военный титул, императором своего полководца провозглашали воины после одержанной над врагами победы.

— Я считал Марка Брута своим другом, почти приемным сыном.

— Сын любовницы, который подозревает в любовнике своего отца, никогда не станет тебе другом, — съязвил Катилина. — Найди его и скажи своему убийце, что ты — его настоящий отец, и он будет мучиться от унижения целую вечность, наш праведный Брут. Скажи, что прекрасная Сервилия с трудом уговорила мужа признать Марка своим сыном, а то он хотел оставить убудка в корзинке на базаре.

— Я никогда не говорил, что Марк Брут — мой сын.

— Как знаешь! Я бы прижег старую рану.

— Лучше скажи, в этом тумане, откуда ты пришел на берег, что там?

— Прогуляйся. Каждый видит свое. Важное только для него. Но помни, в тумане можно заблудиться. И есть еще Флегетон. Это ручей огня, вспыхивает внезапно под ногами. И те, у кого нет защиты от этой напасти, исчезают мгновенно.

— Даже если на той стороне их помнят?

— Это самое интересное. Полностью не исчезнешь, но... Сам увидишь, — не пожелал ответить Катилина. — Но лучше такое не видеть.

— Как долго нам здесь находиться? — Цезарь торопился задавать вопросы, Катилина явно собирался уходить, нетерпеливо вставал и снова садился.

Этот мир был Цезарю не знаком, как когда-то была загадкой Косматая Галлия, чьи вожди приходили к проконсулу с жалобами друг на друга, требуя суда и признания их власти перед соперниками. В «Записках» Цезарь изображал их плачущими и обнимающими его колени. На самом деле они никогда не плакали и не становились на колени, наоборот, смотрели дерзко. И Цезарь не был уверен, что его переводчик дословно перетолковывает их слова.

— Будем образами до тех пор, пока нас помнят. Безвестные — они там, в реке, растворяются в ее потоке. Но ты, Цезарь, если войдешь в ее воды, будешь плавать на поверхности, как вздувшийся утопленник или рыбий пузырь. Тебя, Цезарь, не забудут вовек. Ты — кумир миллионов. Ты истребил сотни тысяч галлов, тысячи римлян и уничтожил Республику — нет, тебя никогда не забудут. Ты должен от этой мысли прийти в восторге, она должна тебя греть жарче пламени погребального костра.

Катилина снова вскочил, схватил древко и скрылся в тумане. Прежде чем он исчез, Цезарю почудилось, что на древке возник позолоченный орел, держащий в когтях золотые стрелы.

Глава 3. Верцингеториг. Аварик³⁴

Костерок продолжал гореть, хотя никто больше не подбрасывал в огонь плавник. Что-то вроде сна или просто яркого воспоминания одолело Цезаря.

Привиделась мне юная Корнелия — первая моя жена³⁵, дочь консула Луция Корнелия Цинны, из-за привязанности к которой я чуть не погиб во время проскрипций Суллы. Нам было по шестнадцать лет, когда мы поженились. Это был скоропалительный и суетливый брак, вскоре после кончины моего отца. Отец сватал мне Консуцию, из рода богатых всадников³⁶ Пизы. Ее отец не занимал никаких должностей, но мы были бедны, и отец готов был женить меня на любой девчонке, лишь бы в ее доме нашелся объемистый денежный сундук. Отец искал средства для грядущих выборов в консулы, и этот брак казался ему очень даже удачным. Консуция была прыщава, толста и неповоротлива, я видел ее до помолвки всего дважды, и

³⁴ Аварик — совр. Бурж.

³⁵ Консуция, которую иногда именуют первой женой Цезаря, скорее всего, была его невестой.

³⁶ Всадники — второе (после сенаторского сословия), во времена Цезаря уже не воины конницы, а торговцы и владельцы мастерских, откупщики и банкиры.

она неотрывно смотрела на меня преданным влажным взглядом. Меня начинало тошнить, едва я представлял, что эта женщина будет жить со мной в одном доме и называться хозяйкой. Я расторг помолвку сразу же после смерти отца.

Отец мой, Гай Юлий Цезарь, не был участником борьбы между Марием и Суллой, но от возможности подниматься по карьерной лестнице не смог отказаться. Он был даже успешен — для нашего захудалого рода. Будь Фортуна к нему милостива, он бы достиг консульского звания, потому как в год своей смерти уже занимал должность претора. Магистратуру он добыл не благодаря своим заслугам и талантам, а за счет помощи моей матушки Аврелии, чей могущественный, пускай и плебейский род, был куда известнее в Риме, чем наш, патрицианский, изрядно захудалый. Ее отец и трое братьев по очереди становились консулами. Ее женской энергии хватило бы на десяток обленившихся мужчин. Никто не ждал от меня великой карьеры, а жреческий титул фламينا Юпитера, который я получил, опять же стараниями Аврелии, вообще не предполагал, что я смогу командовать легионами.

Старший Гай Юлий — человек суровый, немногословный, во многом неумелый. Не умеющий налаживать связи, управлять имениями, принимать решения, угождать плебсу или Сенату. Вспыльчивый, злой. Помнится, на какую-то невинную мою шутку он ответил ударом — не словесным, а вполне ощутимым ударом кулака. Когда я упал (а мне было тогда двенадцать), он сказал лишь одно слово: «Дохляк». Я лежал, стиснув зубы, чтобы не закричать от боли и не расплакаться. Матушка встала между нами, ничего не говоря, но сжав свои маленькие кулачки. Моя хрупкость — от нее. Моя смелость — от нее. Отец ушел из атрия, пробормотав: «Чтоб вам заболеть обоим». Когда он умер, мне еще не исполнилось шестнадцать. Я спросил матушку, что теперь делать? «Думай о нем хорошо. Это важно для него там, где он сейчас». — «Я стану самым известным человеком в Риме, — пообещал я Аврелии. — Слава моя превзойдет славу Сципиона Африканского». А про себя добавил: «Но он об этом не узнает». Я старался не думать о нем вовсе. Сципион устроил великолепные игры в память своего отца. Я — нет. Хотя, будучи эдилом, не жалел денег, развлекаая плебс.

А ведь я могу встретить его здесь, сейчас... Странная встреча. Хочу ли я этого? Нет, не хочу. Я знаю, что он скажет мне в этом мире. Он наверняка так и остался во времени своей смерти, не сделав шага в будущее. Я для него — по-прежнему «дохляк» пятнадцати лет, а не победитель галлов, император, диктатор Рима. Он не поверит моим словам, не поверит в мой состоявшийся, уже бывший успех. Убеждать его? Раздобыть ладью и привезти его в будущее? В мое будущее? Зачем?

Моя мать Аврелия, она ведь тоже здесь... Это она обустроивала дела в нашем доме. Она подыскивала женихов моим сестрам, обе были выгодно выданы замуж еще до смерти нашего отца. Внуки и внучки ее мало интересовали. Разве что Атия, дочь Юлии младшей, рассудительная, расчетливая и скрытная, маленькая копия своей бабки, вызывала, если не любовь Аврелии, то живой интерес. Отныне карьера единственного сына стала для моей матери целью жизни. Однажды она призналась мне, что мечтает превзойти Корнелию, дочь Сципиона Африканского. Да это и было видно: во всем она соперничала с памятью Корнелии, грезя о славе великой женщины, удостоенной памятника на Форуме с надписью: «Корнелия, мать Гракхов». Оглядываясь назад, я понимаю, что во многом я тоже был таким же Гракхом, ниспровергателем основ. Принято считать, что я гнался за состояниями. Но нет, деньги были только средством, я добывал их всеми возможными способами, а тратил легко. Я хотел достигнуть вершины и с ее высоты взирать на мир и менять мир. Лепить его, как гончар месит сильными руками комок влажной глины. Влага — кровь и слезы. Глина — люди. Рим — гончарный круг.

Юная Корнелия была иной, не похожей на мою матушку, — податливой, веселой, лукавой. В те дни бедствий, обрушившийся на Рим, мы с моей Кориоллой были счастливы юношеским счастьем, обилием венериных утех и любованием друг другом. Возраст, когда каждая фраза приводит в восторг и беспричинно смешит, еще почти по-детски, но уже с восторгом

телесного обладания. Счастье кратко живуче — как воробышек в клетке или зимний денек накануне Сатурналий. Повзрослев, пытаешься его подменить жадой власти и жадой побед, но эта замена — дешевое вино, в которое добавили с избытком меда.

Беда пришла вскоре. Цинну, отца моей Корнелии, убили во время солдатского бунта³⁷. Затем не прошло и двух лет, как Сулла захватил власть в Риме и начал расправляться с соперниками.

Сулла. Диктатор с изуродованной пятнами кожей. Взгляд рыси. Повадки хищника. Проскрипционные списки³⁸, вывешенные на Форуме. Каждое имя в списке — приговор без суда. Любой искатель награды может выследить и убить обреченного. Толпы убийц — во главе центурионы — рыщут по улицам, врываются в дома. Люди, бегущие из Города от неминуемой смерти. Обезглавленные трупы на обочинах, отрубленные головы — на Рострах.

Мое имя — в роковом списке.

Мой тесть Цинна был злейшим врагом Суллы, но погиб прежде, чем диктатор успел схватить его за горло. Сулла был на редкость злопамятен. Даже после смерти Цинны диктатор не отказал себе в удовольствии посчитаться с врагом, пускай и по мелочи, пускай с нами, почти детьми. Сулла потребовал, чтобы я развелся с Корнелией. Я отказался. В девятнадцать легко сделать то, чего никогда не совершишь в сорок девять. Из жрецов меня выперли (вот так, одним мановением руки, гортанным окриком или просто небрежно брошенным: лишить). Но я не особенно печалился по этому поводу, сознавая, что сан фламينا Юпитера скорее ловушка, нежели почет. Ведь жрец Юпитера не мог покидать Рим, не мог садиться на коня и командовать легионами. Это жречество — для слабосильных, больных и ленивых патрициев. Матери хотелось, чтобы я не подвергал себя опасности. Фортуна спасла меня от участи сидеть подле стареющей матроны и кутаться в ее паллу. Разве что шапочка фламينا, которая в юности меня раздражала, в зрелые годы могла удачно прикрыть лысину не хуже венка.

Куда более чувствительным был следующий удар Суллы: приданое Корнелии и наследство моего отца были конфискованы, так что отныне я мог рассчитывать только на помощь родни и друзей. Я отправился в Сабинскую область, где у нашего рода имелись надежные клиенты. Но и тут я по-прежнему подвергался опасности быть схваченным и убитым на месте, ведь имя мое так и значилось в смертном списке. Каждый вечер я выбирал новый дом для ночевки. Хитрость не помогла. Во время спешных перемещений, зачастую под дождем, ночуя в сырых нежилых комнатухах, я простудился и подцепил жестокую лихорадку. Меня трясло, в глазницы, казалось, вложили уголья из жаровни, то и дело у меня начинался бред. Но я не мог оставаться на ночь у наших клиентов, хотя они предлагали укрыть меня в одной из женских спален. Я отказался, не желая подвергать опасности друзей, я всегда ценил тех, кто оказывал мне благодеяния. Меня ждали на маленькой неприметной ферме в ту ночь. После заката рабы положили меня, почти бесчувственного, в лектику и понесли. Я то я дело бредил, путая сон и реальность. На воздухе мне стало немного легче. Тут случилась новая беда — не успели мы миновать и половины пути, как нас остановил сулланский патруль. Заслышав незнакомые голоса, я пришел в себя. Догадливые провожатые заявили, что хворь моя прилипчива и смертельна, и потому занавески открывать нельзя, иначе вылетит отравленное облако, и все помрут в три дня, а то и раньше. А человек в носилках уже при смерти, и рабы спешно переносят его в пустующий дом, чтобы он там скончался. Это было почти правдой. Я лежал, боясь дышать. Кровь так билась в висках, что казалось — вот-вот сосуды лопнут. От боли в глазах мне хотелось кричать. Но старого центуриона, что командовал патрулем, не так-то просто было провести. Нимало не опасаясь заразы, ветеран шагнул к лектике и отдернул занавески. Кто-то из его

³⁷ 84 год до н.э.

³⁸ Проскрипционные списки — списки людей, подлежащих ликвидации без суда и следствия. Зачастую не требовалось даже быть противником Суллы: в перечень смертников заносили также тех, чье богатство приближенные диктатора хотели присвоить.

услужливых подручных сунул факел мне почти что в лицо. По моему виду — потемневшей коже, покрасневшим глазам и серым потрескавшимся губам, было ясно, что рабы не врал — в носилках лежал больной и, возможно, в самом деле, умирающий. Но старый вояка привык извлекать выгоду из любой, даже смертельно опасной ситуации. Задерживать он меня не собирался — вдруг и правда хворь перекинется на него и его подручных. Но он мог проткнуть мне шею мечом — узнай он только, кто перед ним.

Но он не стал спрашивать мое имя.

«Деньги есть?» — носилки у меня были скромные, но у этого человека был нюх на золото.

Судя по красноте его упитанных щек, парень знал толк в еде и выпивке.

«Пятьсот золотых, нет, уже меньше... Пятьсот было прежде». — По глупости в спешке я не потрудился заранее разделить монеты по двум или трем мешочкам.

Он забрал мой кожаный кошелек с деньгами и взвесил на руке.

«Да, уже точно меньше пятисот», — центурион без запинки дал оценку моим запасам золота.

Он деловито запустил руку в кожаный мешок, достал несколько золотых и отдал своему подручному с факелом.

«Это на всех, раздай».

И махнул рукой моим носильщикам, мол, проходите, путь свободен.

Центурион и его подручные отступили. Кто-то из рабов задернул занавески. Я перевел дыхание, когда услышал торопливое шлепанье сандалий. Меня вновь затрясло в лихорадке. Но я был уверен, что теперь не умру, — нелепо умереть после того, как отвалил столько золотых вымогателю.

К счастью, вскоре моя матушка и моя родня, все исключительно женщины, которые оказались в эти дни смелее мужчин, призвали на помощь дев-весталок и сумели вымолить для меня отмену приговора. Жизнь мне сохранялась, как и скромное мое имущество, даже брак с Корнелией оставался в силе, а вот жречество мне не вернули. Но об этой потере я никогда не жалел.

Сейчас в моем псевдо-сне юная Корнелия сидела в кресле, а на руках у нее покоилась малышка Юлия, укутанная во что-то ослепительно-белое, совсем не похожее на ткань, скорее на крошечное облачко. Лицо Корнелии было размыто, как будто я смотрел на нее сквозь толстое стекло. Я не спал. Я просто сидел, прикрыв глаза. И еще я знал, что, когда подниму веки, видение исчезнет.

А ведь Помпей развелся со своей женой по приказу Суллы и женился на чужой жене, причем уже беременной. Вспоминая эту историю, я всегда веселился. Великий! Не смевший выбрать женщину по своему усмотрению, не сумевший отстоять близость с любимой.

Даже сейчас я не удержался от улыбки. Хотя... Все мои последующие браки были чистым расчетом. Помпея, тающая под взглядом красавца Клодия, как снег на ярком весеннем солнце; Кальпурния, преданная, но лишенная женского обаяния. Но я выбирал их по своему, а не по чужому расчету. Правда, Великому в конце жизни досталась красавица Порция, умница Порция. А до этого моя дочь была ему прекрасной женой... И мы оба не могли жаловаться на неуспех у женщин. А Катон... Вот тут в самом деле стоит посмеяться. Катон уступил на время свою жену оратору Гортензию, чтобы та родила новому мужу детей вместо бездетной жены. А потом Катон взял ее назад... Пример неподражаемой нравственности!

— Римлянин! Хватит спать на берегу! — раздался голос Верцингеторига. — Нам пора в путь.

Цезарь распахнул глаза. Перед ним вместо костра высилась гора серого рыхлого пепла. У берега на недвижной воде чернела ладья. И кормчий (или тюремщик?) ждал на корме.

Цезарь поднялся, отряхнул песок с тоги, мимоходом отметив, что исчезли пятна крови и дыры от ударов кинжалов, и шерсть опять вполне себе опрятного вида, будто новенькая, еще ни разу не стиранная. Он перевязал ее так, как повязывали те, кому предстояло сражаться в этой на редкость неудобной одежде, и забрался в лодку. Берег тут же отдалился, и серое кострище затянуло туманом.

Цезарю было интересно, почему именно Верцингеториг берет своего убийцу на борт. Катилина сказал, что ладья движется в будущее. Но что именно сомертвец намерен в этом будущем показать императору? Гибель убийц Цезаря? Или гибель Рима? Или что-то иное?

— Ты встречаешь здесь своих близких и друзей? — спросил Цезарь. — И врагов? — добавил на всякий случай.

— Я не ищу встреч, — ответил вождь галлов, если его слова можно было счесть за ответ. — Встретить кого-то можно на берегу. А я не покидаю дарованный мне челн.

— И что ты делаешь?

— Ничего. Здесь невозможно что-нибудь сделать. Мы всё возможное и невозможное сделали — там.

— То есть...

Верцингеториг не ответил.

Ничегонеделанье для Цезаря было пыткой. Жажда действовать томила его непрерывно, как лихорадка. Он постоянно очень быстро перескакивал с одного дела на другое, а затем возвращался к прежнему, и так снова и снова. Отсюда и родилась легенда, что он может делать два дела сразу³⁹. Зависимость от других также была для него мучением.

«Нежизнь», — сказал Катилина.

Мысль, что он опять проведет целый день (здешний день, не ясно, насколько длинный, равный земному или равный целому году в мире живых) с казненным галлом, вызывала отвращение. Хотя нет, слово «отвращение» было из той, прежней жизни. Неподходящее. Скорее что-то среднее между отторжением и раздражением.

Цезарь не испытывал угрызений совести — дерзкий варвар сам выбрал свой жребий, когда поднял восстание против римлян. Цезарь одолел его, потому что оказался умнее, опытнее, искуснее в военном деле. И удачливее. И еще в распоряжении проконсула были его легионы. А у Верцингеторига — только пылкая жажда победить. Разумеется, если бы Фортуна оказалась более благосклонна к галлам, им бы удалось добыть мимолетную победу. Но нет, вряд ли, Фортуна не помогает безумцам.

Я стал размышлять о вечернем привале. И подумал, что здесь, в лодке, тоже можно закрыть глаза и вызвать что-то похожее на сновидение. Увидеть Корнелию с маленькой Юлией на руках. Как мало в жизни таких по-настоящему теплых моментов, способных согреть сердце! Но мы не стремимся к ним, мы жаждем власти, побед, славы, уверенные, что это гарантирует бессмертие.

Верцингеториг как будто разгадал мой план, и едва я попробовал прикрыть глаза, как он заговорил.

— В своих «Записках» Цезарь столько раз утверждал, что он человек милосердный. Милосердие... Цезарь бредил этим словом. Но почему Цезарь пишет о себе как о ком-то постороннем?

³⁹ Сам Цезарь о себе говорит иначе. Но Мнемосина изменчива, сказанное вчера не совпадает с заявленным сегодня.

— Чтобы мои «Записки» казались беспристрастными...

— Казались, — усмехнулся Верцингеториг. — Милосердным казаться приятно.

— О, нет! Сколько раз я миловал и отпускал взятых в плен помпеянцев! Я простил Массилию⁴⁰, восставшую против моей власти. Я простил Кассия и Брута и многих-многих других. А они в конце концов убили меня.

— Если Цезарь так милосерден, почему он истребил всех жителей Аварики, а жителям Укселлодуна велел отрубить руки? — голос Верцингеторига звучал так пронзительно, что у Цезаря завибрировало что-то внутри. Так надсадно, будто визжит сталь о сталь, отдают команды опытные центурионы. — Вспомни казнь вождя сенонов Акко! Его засекли до смерти, мертвому отрубили голову. Твоя жестокость подвигла многих вождей примкнуть к восстанию. Каждый примерил судьбу Акко на свою шкуру.

— Я действовал рационально. Безумцы в Укселлодуне подняли бунт на другой год, как пала Алезия, — судьбу Акко император решил не комментировать. — Внутри стен запасли достаточно хлеба, и посему эти «борцуны» воображали, что смогут противостоять армии Цезаря и выдержать долгую осаду. Я лишил их воды, перекрыл доступ к источнику. Лишь тогда, усмотрев в моей хитрости волю богов, они сдались. Они подняли бунт против добра во имя зла. Мне надо было задушить мысль о возможности неповиновения Риму, чтобы избежать жертв и дать Галлии в будущем мирную и счастливую жизнь. Так что это тоже был акт милосердия, а не жестокости. Как хирург отпиливает раздробленную руку, чтобы сохранить оставшееся тело.

— «Мягкость Цезаря всем известна», — с издевкой произнес галл любимую фразу Авла Гирция, — поэтому Цезарь напишет о жестокости вождя галлов. Вспомни, что ты насочинял обо мне. По твоим словам, у меня не имелось достойных сторонников, а только беднота и всякий сброд. А уж дисциплину в своей армии я наводил немислимыми зверствами. За серьезные преступления приказывал сжигать живьем и пытать, а за малые провинности обрезать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять в родные общины⁴¹. Или ты думаешь, Цезарь, что племена поддерживали меня только из страха? Сотвори я такое, то лишился бы армии в три дня.

— Так рассказывали перебежчики.

— А их рассказ ты украсил яркими домыслами. Или перебежчики тебе лгали, чтобы получить награду? Вот правда: наказание полагалось только за серьезные проступки. Отрубленное ухо или выколотый глаз — для дезертиров, которые прежде клялись небом, землей и окружающим морем, и нарушили клятву. Клятвопреступники не достойны снисхождения. Я ловил их, а затем отпускал, метя предателей кровавыми метами. В общинах знали, за что лишились глаза или уха эти люди. За такое они и сами готовы были карать! — в голосе Верцингеторига послышался гнев.

— О, иначе твоя армия разбежалась бы в три дня!

— Но вот что я думаю, ибо у меня было вдоволь времени для раздумий и в мире живых, и на этом берегу, — продолжал сомертвец, как будто не заметив в словах Цезаря неприкрытой издевки, — я думаю, что слова «милосердие» и «жестокость» не относятся к Цезарю. Милосердие — это чувство, вызванное жалостью и сочувствием. Жестокость тоже идет от сердца, от гнева, желания отомстить, от обиды. В Цезаре нет чувств. Его разум — холодный камень, один голый расчет. Цезарь полагал, что по отношению к римлянам ему выгодно проявлять милосердие, так легче завоевать их преданность и прекратить гражданскую войну. Милосердного проще признать диктатором, это не так страшно, не так обидно. Цезарь прощал и отпускал на свободу сторонников Помпея не потому, что ему было их жаль, или он испытывал к ним

⁴⁰ Массилия — совр. Марсель, во времена Цезаря — могущественный полис, основанный греческими колонистами.

⁴¹ См. «Записки о Галльской войне». Книга VII, 4.

дружеские чувства — он покупал их преданность, да, да, это был простой подкуп, как золото для продажных сторонников. Галлов же он истреблял в уверенности, что только так он может прекратить восстание и заставить свободных жителей покориться и стать безропотными слугами Рима. За это Цезарь готов был заплатить любую цену. Любым числом наших жизней. Любыми потоками нашей крови.

Верцингеториг говорил о Цезаре в третьем лице — как сам Цезарь в своих «Записках» писал о себе. Странно говорил — вроде бы теми же словами, но излагал совсем иные мысли и иные наблюдения. Цезаря это раздражало.

— Разве не ты виновен в гибели жителей Аварики? — воскликнул император.

— Я стоял за то, чтобы всем жителям уйти, а город сжечь, — парировал галл. — Но беда наша в том, что каждый народ держался за свое. Они с легкостью уговаривались жечь усадьбы соседей, но тут же начинались стон и плач, когда речь заходила о собственном доме. Я приказал не оборонять Аварику, всем жителям уйти; взять с собой всё, что под силу унести, угнать скот, оставшееся зерно уничтожить. Но битуригам⁴² стало жаль своих красивых домов, они наперебой принялись доказывать, что смогут отстоять город. Позабыли, что для успешной обороны нужны не только крепкие стены, но и умелые воины. А главное, надобна сила духа. Сильный воин не прекратит сражение, даже раненый будет биться, пока не иссякнет дыхание. Но самое сложное — сражаться день за днем, ночь за ночью. Битуриги могли выстоять ночь, но не двадцать ночей подряд. Уныние захватило их на манер внезапной болезни...

— Я был одним из лучших ораторов Рима, — перебил его Цезарь, — и не собираюсь проигрывать словесную битву варварскому вождю бунтовщиков. Я пришел в Галлию по просьбе моих союзников эдуев, чтобы защитить галлов от нашествия германских племен. Я прогнал гельветов назад в их земли и лишь немногим с согласия местных вождей позволил поселиться на новых землях. Например, бойям. Галлам требовалась защита от воинственных германцев. Да, за помощь надо платить. Но плата эта была посильной.

— А потом пришедший на помощь решил остаться в Галлии навсегда.

— Я положил конец бесконечным распрям и прекратил нашествия варваров из-за Рейна. Отныне вы могли жить в мире. И будете жить в мире. И должны быть мне благодарны за это.

— Миллион воинов, три миллиона от всех жителей убитыми и проданными в рабство — такая малая цена за эту милость. Клянусь Танарисом и его священным колесом, мы бы сумели объединиться и без твоей «помощи», Цезарь! Да, мой план был прост и жесток. И я объявил жителям Аварики решение: увезти зерно, угнать скот и уйти, а сам город разрушить и сжечь, — речь Верцингеторига текла плавно, как будто он не раз репетировал ее здесь, прежде чем обрести Цезаря в качестве слушателя. При жизни он говорил сбивчиво и часто повторялся. Ни сейчас он не смог избежать повторов. Ему явно не хватало школы Аполлония Молона⁴³ с Родоса. — Битуриги отчаянно воспротивились. Они стали умолять спасти несчастный город, доказывали, что Аварику неприступен — за его стенами может укрыться сорок тысяч жителей и защитников. «Мы — рудокопы и кузнецы, — кричали на военном совете горожане, перебивая друг друга, — выковать оружие нам не составит труда. Не будет у нас недостатка в мечях и наконечниках стрел, мы разрушим любые осадные башни и сделаем глубокие подкопы». Каждый стоял на своем: битириги — за сохранение города, я — за то, что его невозможно защитить при осаде римской армией. Да и нет смысла. Мы не сможем истощить армию Цезаря в бою, нет у нас такой силы, чтобы сокрушить легионы. Главное — лишить Цезаря продовольствия; и тогда голод, злейший враг, которого не одолеть самому искусному полководцу, выгонит римлян из Галлии за перевалы. Голод, острозубый, неумолимый зверь! Я говорил им: всего не спасешь! Я повторял им: спасайте свои жизни и жизни жен и детей. Но битириги не слышали моих

⁴² Битуриги — галльское племя, главным городом которого был Аварику (совр. Бурж)

⁴³ Аполлоний Молон — глава риторской школы Родоса, к нему ездили учиться красноречию многие знатные римляне.

слов, они перекричали, переумолили меня. Здоровенные кузнецы плакали, как дети. Я поддался жалости и уступил... Хотя понимал, что осажденные не выдюжат. Жалость не позволила мне настоять на своем. Жалость, которая была неведома Цезарю. Битуриги проиграли, почти все погибли, а ты получил то, что тебе было надобно больше всего — зерно, скот и фураж.

Интересно, сколько кругов проплыл на своей лодке Верцингеториг, и как точно он помнит прошлое? Изменилось ли оно в его глазах? Быть может, все эти племена, вечно враждующие друг с другом, вожди, чьи руки жадно цеплялись за власть, все они превратилось в его памяти в единое целое, спаянное одной мыслью, одной целью — создать Великую Галлию, способную соперничать с Римом, где каждый гражданин будет свободен и уважаем, а избранный вождь смел и справедлив. Или он на этих берегах все еще верит в миф, что где-то в лесах Галлии остались неподчиненные деревни и города, и они счастливо и весело живут прежней жизнью под властью своих вождей и друидов?

Я перегнулся через борт и глянул в недвижные воды Мнемосины. Если ее воды как отполированное серебро, то должно появиться отражение. И оно появилось — десятки, сотни отражений, они всё множились. Я узнавал и не узнавал себя. Я был то богом, то чудовищем, подобным Орку, который, согласно мифу, пожирает тела людей в подземном мире. Верцингеториг также отражался в зеркале Мнемосины — то как великан в золотых доспехах с длинными усами и роскошной гривой пшеничных волос, то как изможденный худущий грязный старик из рассказа о том, что якобы провел в цепях шесть лет в Мамертинской тюрьме. Мнемосина как будто смеялась над нами.

Аварик. Несомненно, Верцингеториг был прав, когда уговаривал жителей покинуть город и сжечь припасы. Случись подобное, я бы оказался в отчаянном положении, учитывая, что моя армия и так испытывала недостаток хлеба. Вокруг не было ни одного значительного склада, который можно было бы захватить. Летом мы могли сами жать хлеб — недаром каждый легионер таскает в своей сумке серп. Но в конце зимы начался бы настоящий голод. Вспоминая те события, я думаю, что главная забота полководца во главе огромной армии — не придумать, как победить врага, а суметь раздобыть зерно для солдат и фураж для скотины. Помнится, для того войска, что собрали Варрон и Эмилий Павел против Ганнибала, требовалось каждый день 150 000 модиев⁴⁴ пшеницы. Они торопились вступить в битву⁴⁵, потому что не знали, чем завтра будут кормить своих воинов. В тот час под стенами Аварика судьба моей армии и моя тоже висела на волоске. Припасы, полученные в Кенабе, заканчивались.

Галлы не могли сжечь все деревни и оппидумы, но они жгли их на нашем пути, не давая забирать зерно и фураж поблизости. Пока мои легионы продвигались к Аварику, нас встречали только столбы дыма и руины. Даже среди лесов поднимался дым, хотя в конце зимы лесные пожары редкость. Ловкий расчет: чем дальше придется фуражирам отправляться за провиантом, тем легче будет варварам нападать на наших людей и их убивать — пока римские легионы держатся вместе, галлам их не одолеть, несмотря на всю их варварскую дерзость. Но небольшой отряд сразу становился легкой добычей засевших в лесах бунтарей. У Верцингеторига было достаточно продовольствия в тылу, и сам он не беспокоился припасах, следуя по пятам за нашими легионами. План этот было не так трудно исполнить, ведь галлы знали в мельчай-

⁴⁴ Модий — мера объема, равен 8,754 л. В модии 6,73 кг зерна. Римский фут равен 0,296 метра.

⁴⁵ Имеется в виду битва при Каннах. Это роковое для римлян сражение описано в романе «Сны Сципиона».

ших подробностях расположение своих городов и деревень и подходы к ним, тогда как нам приходилось полагаться на сведения проводников, которые в любой момент могли предать, скрывшись в ближайшем лесу.

Правда, нам все же удалось угнать немало скота и потому мы почти все время питались мясом — никогда ни до, ни после я не ел столько плохо прожаренного мяса. Как результат — нам постоянно приходилось вести сражения с собственными желудками. И многие проигрывали.

Так мы добрались до столицы битуригов.

Как к большинству галльских оппидумов, к воротам вела лишь одна удобная дорога. С запада, севера и востока укрепления Аварика прикрывали болота и реки, и переправиться там мог разве что отряд из нескольких человек с опытным проводником. Беспрепятственно к городу можно было подобраться только с южной стороны.

Стены Аварика заслуживают отдельного рассказа. Высота южной стены, доступной для штурма, была не меньше восьмидесяти футов. При виде этих укреплений легионеров охватила растерянность. Один из захваченных нами пленников рассказал, как сооружались эти стены. Их сложили из могучих деревьев, бревна укладывали с промежутками в два фута, потом промежутки заполнялись землей и камнями, сами же бревна скреплялись поперечинами так, чтобы их невозможно было сдвинуть. Потом следующий ряд стволов располагали в промежутках между бревнами предыдущего ряда подобно тому, как укладывали первый ряд, и опять пустоты засыпали землей и камнями, причем камни накидывали ближе к наружной части стены, да еще трамбовали. В итоге стена получалась сорок футов шириной — как раз по длине бревен, и ни один таран не способен был ее пробить, а огонь поджечь — с внешней стороны укрепления обложили камнями. Пленник рассказал эти подробности с огромной гордостью, уверенный, что после его слов я оставлю всякую мысль об осаде галльской твердыни и уведу свои легионы.

Наивный варвар!

Я слышал, как ругаются легионеры, а военные трибуны шепотом говорят друг другу, что мы застрянем здесь на несколько месяцев, пока в городе не закончатся припасы. Но большинство наших околеет от голода раньше, а выжившие уберутся восвояси. Да, любой бы так и поступил: снял осаду и ушел в земли союзников или в Цизальпинскую Галлию. Ушел туда, где можно найти хлеб. Но не я. Я увидел главное: перед южной стеной имелось достаточно места, чтобы сделать насыпь и подкатить осадные башни. Да, стены города высоки — мои башни поднимутся еще выше.

Я разбил наш лагерь к югу от оппидума на расстоянии более полумили от ворот и начал возводить гигантскую насыпь, рассчитывая сравнять ее по высоте с укреплениями Аварика. Погода стояла ужасная — холод, дожди, время от времени начинал идти снег.

Тем временем Верцингеториг, хотя и отказался помогать битуригам в защите оппидума, сам разбил свой лагерь примерно в шестнадцати или пятнадцати ⁴⁶ милях от города, рассчитывая следовать прежней тактике — не давать римлянам припасов и истреблять фуражиров почти без угрозы потерять своих людей. Зная тайные тропы, он умудрялся доставлять в свой лагерь зерно и фураж, хотя и не в том объеме, в каком нуждался. Но варвары были приучены ограничивать себя в еде в зимнее время, и, сидя на месте, не слишком страдали от подобной диеты.

Здесь пастухи проложили мосты через болота, чтобы иметь возможность выгонять на пастбища скотину, но галлы все мостики и гати разрушили. Пленные рассказывали, что через болота есть несколько бродов, но никто из них не пожелал показать римлянам тайные тропы. Я

⁴⁶ Возможно, лагерь Верцингеторига находился у слияния двух притоков Лигера, сейчас болота осушены, на их месте — поля и каналы.

выбрал восьмерку самых сильных легионеров, что обычно занимались строительством укреплений, велел им одеться потеплее, взять веревки и заготовить фашины, чтобы в случае надобности гатить болота, и отправиться на разведку. Однако отыскать тропинку, по которой можно было бы пройти к лагерю Верцингеторига, им так и не удалось. Один из моих людей утонул в болоте — он плохо обвязался веревкой, и его не удалось вытащить, когда он провалился в воду. Двое других, угодив в трясину, все же спаслись с помощью товарищей, но дорогу это не помогло обнаружить. Разведчики вернулись в римский лагерь и всю ночь грелись у костров. Выслушав их рассказ о неудачной попытке обнаружить тайную дорогу, я велел выдать этим людям неразбавленного вина из моих личных запасов: как всегда в последние дни, мы ели жареное мясо, и хлеба, как всегда, не хватало.

На другое утро мы наконец нашли проводника из местных, и в разведку отправился другой отряд. Но назад вернулся только один. Этому отряду повезло сначала — с помощью варвара они отыскивали брод, где можно было пройти примерно по колено в ледяной воде, но не одолели и двух миль, как их встретил галльский патруль. Варвар наверняка намеренно завел моих людей в засаду. Человек, который спасся, сильно отстал и брел последним, ощупывая землю деревянным посохом. Увидев, что в наших разведчиков полетели стрелы, он тут же кинулся назад. Две стрелы попали рассказчику в спину, но крепкая лорика из стальных колец и толстый плащ спасли его. Двое наших, раненые, какое-то время бились с галлами, стоя в воде, и потому этот воин, скажем сразу, не самый достойный, спасся. Уцелевший легионер мог бы показать нам дорогу к тому броду, но я не собирался вести своих людей в ловушку, где нас по-прежнему ждали галлы. Варвары были мастера на подобные засады. Нам еще предстояло в этом убедиться. Стоило нашим фуражирам уйти слишком далеко от лагеря, как отряды Верцингеторига нападали на моих людей и убивали. Припасы наши быстро истощались. Вся страна в округе была разорена, найти что-то съестное поблизости не представлялось возможным. Галлы торжествовали.

К тому же наши ненадежные союзники эдуи (последние союзники, можно сказать) не торопились доставить нам зерно, как обещали. Бои присылали гонцов с сообщениями, что у них нет для нас припасов, все зерно они съели сами и теперь не знают, как дотянуть до нового урожая. «Не съели, а спрятали, хитрые твари», — мысленно уточнил я. Любой другой на моем месте пришел бы в отчаяние, но несмотря ни на что я верил в успех.

Да, зерна у нас не было, зато я умел найти нужные слова для своих солдат: прежде мои воины не навлекали на себя бесчестия, уйдя с позиций, не закончив ратного дела, — говорил я. Позор оставить начатую осаду. Вынесем все лишения и устроим поминки на развалинах Аварика по тем римлянам, что были убиты в Кенабе! Хорошая речь! Я и сейчас, вспоминая, с каким вниманием слушали меня воины, невольно улыбаюсь.

«Римляне, убитые в Кенабе». Эта фраза зацепила каждого. Она стала чем-то вроде пароля или клича. Стоило завести разговор о долгой осаде — а шел уже двадцатый день, как слабаку выкрикивали в лицо: «Вспомни римлян, убитых в Кенабе».

«Не лучше ли оставить осаду и уйти в земли союзников эдуев, собрать новую армию и начать переговоры с галлами», — предложил один из военных трибунов.

«И это слова римлянина? Отомстим за убитых в Кенабе», — ответили ему.

Так что, несмотря на трудности, осада Аварика продолжалась. Мои воины, работая сменами и днем и ночью, продолжали возводить большую насыпь-платформу напротив стены, и рядом строили две колеи, по которым к городу должны были подкатить осадные башни. Платформа уже сравнялась по высоте с южной стеной, да и башни были почти готовы, осталось только хорошенько укрыть их свежими шкурами, каковых у нас имелось в избытке.

— Вот правда: я не мог бросить этих безумцев, — признался Верцингеториг, прерывая мои воспоминания. — Лазутчики донесли, что римская платформа близка к завершению, а штурмовые башни уже подкатили к самым стенам. Тогда я перенес свой лагерь ближе к городу. Мы заняли выгодную позицию на холме шириной всего 50 футов, обоз я укрыв в лесу и болотах. Мои люди отлично знали там броды, а все мосты были разрушены — подобраться к нам со стороны болот римляне никак не могли. Я надеялся захватить большой отряд фуражиров, что собирался покинуть лагерь. Но Цезарь заметил наши маневры и подвел ближе свои когорты. Надеялся, что я спущусь с холма и вступлю с ним в открытый бой. Но я хорошо представлял, что мои воины не выдержат схватки с римскими легионами. Вот если бы римляне пошли на штурм наших позиций!.. Но нет, в эту ловушку римский волк не пожелал попасться. Каждый остался при своем.

Верцингеториг умолк. Наивность его порой изумляла. Неужели он думал, что у меня нет разведки и лазутчиков, чтобы обнаружить его передвижения?

— Ты сам мне помог. После твоей вылазки я выступил перед уставшими легионерами, осыпав галлов насмешками и назвав твои действия хвастливой демонстрацией. «Ради личных интересов Верцингеториг лишил своих воинов величайшей славы...»

Тут он разозлился:

— Ага, как же... Вождь галлов совершил преступление: не дал своим людям умереть под римскими мечами.

— Я сказал не так.

— Говорящий никогда не слышит себя. Мы не искали славы в тех битвах. Мы сражались за свои земли и свои очаги, чужак! Хотя... Вода Мнемосины у каждого своя.

— И отражения — тоже, — напомнил я надменному сомертвецу.

— А еще среди моих воинов ползли слухи. Слухи разят не хуже стрел. Нелепые слухи, будто галлы обвинили своего вождя в измене. И будто Верцингеториг ищет царской власти с разрешения Цезаря... С разрешения Цезаря! — возвысил голос галл, будто и сейчас испытывал боль от этих обвинений. — Ему плевать на свободу Галлии, ему нужна власть над арвернами, чтобы потом по указке римлян управлять всей Галлией и брать с других племен мзду. Будто в случае поражения вождь галлов непременно сбежит в земли германцев. И будто бы только сам Верцингеториг, да еще его друзья хотят сражений, тогда как остальные галлы давно бы с охотой покорились Риму. Но вот же, поди, проклятый выскочка гонит их силой сражаться. А еще будто бы припрятал он в лесах клады с золотом. И только ждет удобного случая, чтобы это золото вырыть и сбежать. Получалось, что я одновременно жажду сражений, но при этом готовлюсь к побегу. Все эти нелепости нашептывали торговцам и свободным галлам люди из преторской когорты⁴⁷ Цезаря, дабы унижить меня и моих воинов и поднять дух измотанных до крайности легионеров.

Верцингеториг умолк. Он смотрел на Цезаря с такой ненавистью, будто хотел выхватить меч и нанести смертельный удар. Знатный галл не ходит без оружия, и в посмертии Мнемосина снабдила сына Кельтиллу мечом. Но даже сотня ударов клинка, даже тысяча не уничтожат злобные выдумки.

⁴⁷ Преторская когорта — когорта охраны полководца. Сюда входили его контуберналы (приближенные), писцы штаба, личная охрана.

Я пожал плечами — он прав, каждый запоминает по-своему. Открытого сражения в тот день так и не случилось, в итоге римляне вернулись в свой лагерь, а галлы — в свой. Если Верцингеториг надеялся, что я пойду на штурм его позиций на холме, то он сильно просчитался. Мысленно я посмеялся над наивностью галла.

«Они знают, что мы вот-вот возьмем Аварик, потому и пытаются устроить нам нелепые ловушки, — объяснял я своим центурионам. — Еще два-три дня, и мы ворвемся в город, где спрятаны огромные запасы хлеба».

Я знал, чем обнадежить каждого.

«После успешного штурма ты станешь центурионом», — обещал я ветерану, который давно мечтал о повышении.

«На галльское золото можно купить отличную усадьбу», — хлопал я по плечу молодого парня, у которого дома осталась большая семья.

«Принесите этому воину горячей воды с вином, он совсем замерз на посту!» — приказывал я своему колону⁴⁸.

Спал я в те ночи часа два или три, не больше: мне казалось, что я один веду осаду непокорной крепости битуригов, а легионеры, центурионы и военные трибуны — только части моего тела, и сейчас они повиновались мне, как руки или ноги, пускай и онемевшие от холода и ослабевшие от недостатка хлеба. Но главное: я не сомневался, что возьму непокорный город. Я делился своей уверенностью с каждым, как делился последними остатками вина, кусочками сыра, ломтями хлеба.

Битуриги по-прежнему защищались с отчаянной яростью. Они построили на стене деревянные башни, чтобы иметь возможность обстреливать нас сверху, при этом деревянные части укрыли шкурами и обливали постоянно водой, так что мы не могли их поджечь, как ни старались. Когда наши легионеры забрасывали стенные крюки, пытаясь сорвать камни с верхней части укреплений, галлы накидывали на них петли и с помощью воротов утаскивали к себе. И все же, несмотря на сопротивление и холод, нам удалось завершить строительство платформы, как я запланировал: шириной 330 футов, почти равной по высоте городской стене. Наверху платформы мы соорудили дорожки и специальный навес. Под его прикрытием легионеры должны были подняться на стену города. Со дня на день я собирался назначить штурм.

Но однажды ночью, когда уже заканчивалась вторая ночная стража⁴⁹, наши воины заметили, что платформа оседает, а из-под земли и между бревен валит дым. Центурионы никак не могли понять, что случилось, и тут же послали за мною. Едва я успел прибыть, как галлы со стен атаковали наши штурмовые башни, которые мы уже подкатали вплотную к галльским укреплениям с двух сторон от нашей платформы. Стало ясно, что галлы сделали подкоп под городской стеной и под нашей платформой, и обрушили нижние сваи, отчего платформа начала уходить вниз. Еще они напихали в подкоп щепы, дранки, смолы и пакли и все это подожгли, отовсюду валит дым, будто открылся новый вход в Аид. Хотя, как я погляжу, здесь нет ни огня, ни дыма. Или это не совсем Аид?

Наверное, Верцингеториг тоже вспоминал ту ночь, когда в сторону нашей насыпи летели подожженные факелы, а еще по желобам лили смолу, пользуясь тем, что платформа основательно просела. Одни легионеры стали спешно отводить штурмовые башни, пока галлы не успели их поджечь, в то время как другие тушили пожар на террасе. Несмотря на нашу расторопность, башенные щиты наверху сгорели, остались только остовы. Уничтожена была и надстройка над террасой. В этот момент один здоровенный битуриг встал на стене Аварика как раз напротив нашей башни. И, пока ее не увели на безопасное расстояние, бросал в непотушен-

⁴⁸ Колон — денщик.

⁴⁹ То есть в середине ночи.

ный огонь куски сала и смолы, чтобы подкормить и расшевелить пламя. Горючие материалы непрерывно подавали ему товарищи снизу. Галл был хорошо виден в свете пожара. Я смотрел на этого галльского Геркулеса и мысленно отмечал его нелепую смелость. Исход битвы решает не дерзость одного воина, а доблесть всего войска. На римской платформе было установлено несколько скорпионов, мой меткий стрелок не растерялся и поразил дерзкого варвара стрелой в грудь. Галл рухнул на стену и так остался лежать, сжимая в руках комок смолы. Его товарищ тут же взбежал наверх, схватил этот комок и швырнул в нашу башню, пытаясь разжечь огонь, который нам удалось потушить. И этот второй был тут же убит — легионер, что стрелял из скорпиона, точно знал цель. А галлы даже не догадались сменить позицию. На место второго встал третий... Битва продолжалась всю ночь. К утру самые смелые были убиты, а робкие пали духом.

— Вот правда: это была героическая ночь Аварика, — воскликнул Верцингеториг. — Но после ночной битвы, уже на рассвете, при виде мертвецов, крови, глядя на несокрушенную платформу и уцелевшие башни, галлы пришли в отчаяние. При свете дня стало видно, как много на стенах погибших, и битуриги уверились, что город не отстоять. Решимость их рухнула, как стена, под которую подвели удачный подкоп. Никто более не думал о сопротивлении. Решено было бежать и тайком уйти из города по тропинкам через болота. Это был сложный путь по колено в ледяной воде, а порой и по грудь взрослым мужчинам. Идти надо было чуть ли не целый день, а чтобы попасть в мой лагерь, нужно было переправиться вплавь через мелкие речки. Не все готовы были на такие труды, а уж тем более женщины отказывались рисковать, уверенные, что почти все дети погибнут. Поднялся крик. Одни кричали, что надо бежать и сохранить жизни для дальнейшей борьбы, другие — что слабые утонут в болотах. Женщины были от отчаяния, плакали дети. Так, препираясь, битуриги не посмели выступить в грядущую ночь, и эта нерешительность их погубила. Вместо того чтобы кричать и спорить, и слушать завывания женщин и плач детей, они могли принять решение либо оборонять Аварик до конца — силы у них пока что имелись, либо под покровом темноты выйти из города и пробираться болотами. А сам город перед выходом поджечь. И хотя в дороге сотни погибли бы, но даже женщины могли спастись, а малых детей можно было вынести на руках — галлы не были истощены, потому как в Аварике и зерна, и мяса имелось вдоволь. Тем более что последовавшая за штурмом ночь была тихой, без дождя, во всем удобной для бегства. В римском лагере ни о чем таком не догадывались, уверенные, что битуриги станут биться до последнего, как бились, презирая смерть, накануне. Так смута победила решительность. Непринятие решения хуже любого из принятых. Да, город исчез бы, но люди уцелели, и, главное, римляне не получили бы столь необходимых им припасов. Одно верное решение могло бы спасти всю Галлию. Но после яростной битвы битуриги вдруг утратили прежнюю доблесть и пали духом. И пали под мечами палачей. Лишь восемь сотен жителей после начала штурма сумели ускользнуть через узкие северные ворота и под покровом темноты болотами добраться до моего лагеря. Один из битуригов, дюжий кузнец, приковал цепью к спине своего мальчишку, а к поясу — свою женщину, и так провел их через болота и вышел к моим укреплениям.

Да, Верцингеториг понимал, что падение Аварика сыграло решающую роль в неудаче всего восстания. И мысль об этой неудаче жгла его огнем до сих пор.

И Цезарь решил подлить масла в огонь.

— Вот что я тебе скажу. Ты был вождем восставших. И ты должен был послать к ним гонцов с приказом немедленно уходить из Аварика, а город поджечь. Им нужен был кто-то в тот день, сумевший решить за них, когда они были растеряны и плакали, как дети. Но ты просто наблюдал.

По тому, как вождь галлов вздрогнул, Цезарь понял, что сумел уязвить сомертвеца.

На другой день пошел сильный дождь. Струи лились с неба сплошным потоком, тучи низко нависали над землей. Еще до заката сделалось так темно, что почти ничего невозможно было разглядеть со стен. В такую непогоду караульные битуригов не заметят движения в лагере, а за шумом дождя и ветра не услышат шагов легионеров.

Цезарь решил воспользоваться непогодой и приказал идти на штурм. Римляне поднимались на платформу на ощупь. И если совсем недавно галлы отчаянно бились на стенах за свой город, то теперь наверху вообще не оказалось людей, всего лишь несколько караульных, которые отчаянно кутались в плащи, пытаясь закрыться от ветра. Поднять тревогу они не успели. Легионеры легко заняли стены, перебросив с платформы заготовленные мостки. После чего римляне ринулись вниз, в город.

Галлы все еще решали, что делать. Но Цезарь решил всё за них. Поначалу битуриги попытались дать бой на улицах Аварика и на площади, но в полутьме дождливого вечера было не разглядеть, где свой, где чужой. Повсюду мелькали серные факелы, способные гореть под дождем. В их отблесках шлемы и доспехи легионеров множились, горожанам казалось, что воины Цезаря повсюду. Началась паника, битуриги решили, что город уже захвачен, все пропало, и кинулись бежать. Одни попытались пробиться через южные ворота, где были истреблены поголовно, другие, самые догадливые, — ринулись к северной, более низкой стене, и либо спустились прямо с ограды на веревках, либо проскользнули в узкие ворота. А затем по известным им тропам прошли через болота к лагерю Верцингеторига. Все галлы, кого удалось захватить в Аварике, были перебиты, в том числе женщины и дети, как прежде это случилось в Кенабе.

Так Цезарь запомнил ночь гибели Аварика. А как ее запомнил молодой вождь галлов, видевший издалека мелькание редких огней и слышавший долетавшие издалека крики? Он наверняка понимал, что происходит, но поделать ничего уже не мог.

— Скажи мне вот что... — Верцингеториг подался вперед, Цезарю показалось, что он ощущает дыхание галла. Хотя мертвый вождь не мог дышать — здесь. — Зачем ты написал в своих записках, что я направил в Аварик 10 000 своих солдат, зачем ты придумал 10 000 моих погибших воинов? Чтобы победа выглядела более грандиозной? Я с самого начала стоял против защиты Аварика. Зачем мне обрекать на смерть половину моей армии, раз я понимал, что город не устоит перед Цезарем?

— Каждый полководец ищет славы. В случае успеха ты бы назвал себя победителем Цезаря.

Верцингеториг отпрянул. Вскочил. Выхватил меч, вновь кинул его в ножны.

— Что за чушь! Какая слава? Тебе кажется, что галлы мыслят, как римляне. Что их вожди жаждут славы. Но нет. Я не искал пустой славы. Вот правда: я знал, что как только восстание закончится, галлы меня проклянут. Даже если мы победим. И, скорее всего, убьют, как арверны убили моего отца. Славы в наших землях ищут беспечные, в бой они идут без доспехов, обнажившись по пояс, украсив золотом руки и шею. Но не я. Я искал путь для моей страны. Чтобы Галлия стала равной Риму. Выше Рима.

Он перегнулся через борт и взгляделся в серые воды Мнемосины, будто искал в ее глади подтверждение своим словам. Лицо кормчего посуровело. Теперь вождь галлов сделался таким, как в день Галльского триумфа и своей смерти — до времени утратившим силы стариком.

— Так вот почему ты не сходишь на берег! — Цезарь обрадовался своей догадке. — На берегу тебя ждут погибшие в Аварике. Они ненавидят тебя больше, нежели меня. Проклинают

и кричат, что ты втянул их в безнадежную войну, а они могли бы жить счастливо в своем прекрасном городе, платить небольшую дань римлянам, любить своих жен и растить своих детей.

— Ты сам веришь в глупые байки, что придумали твои писцы? Здешний мир быстро меняется. Прославленных проклинают, великие рассыпаются прахом. Здесь все теперь иначе, нежели в тот день, когда я пришел сюда.

Верцингеториг огляделся. Несколько долгих мгновений он молчал, потом отряхнулся, как пес после купания, и вновь сделался молодым.

— Близится вечер и новый привал. И гость у костра.

— Скажи, кто приходит на эти встречи на берегу? Тот, кого ты зовешь и ждешь?

Верцингеториг рассмеялся. У него был странный лающий смех.

— Нет, Цезарь, не твой выбор на эту ночь. — Он потер горло поверх золотого торквеса. — После удушения трудно смеяться.

Ладья ткнулась носом в серый песок.

— Выходи! — приказал галл.

Цезарь выпрыгнул из лодки, угодив в свинцовую воду Мнемосины. По густоте она напоминала оливковое масло и казалась жирной на ощупь. Ноги обожгло. Цезарь сделал два шага, взобрался на камень.

На берегу его в самом деле кто-то ждал.

— Это Красавчик, — подсказал Верцингеториг.

Гай Юлий не стал оглядываться — знал, что ни дерзкого галла, ни ладьи он уже не увидит.

Глава 4. Клодий

Когда я в первый раз увидел Клодия, то поразился выражению его глаз — они как будто светились изнутри, и эти огоньки делали его лицо божественно красивым. Цицерон называл своего противника Бешеным. Впрочем, Публий Клодий и Марк Туллий не всегда враждовали. Одно время Клодий охранял Цицерона вместе со своими гладиаторами и называл оратора другом. В чем-то они были схожи: оба почти фанатически поклонялись Республике — только патриций Клодий делал ставку на плебс, пролетариев, даже вольноотпущенников, обещая им равные избирательные права с римскими гражданами, а новый человек Цицерон всегда искал одобрения оптиматов и перед старой знатью юлил и заискивал. Клодию было плевать на авторитет — потомок патрицианского рода Клавдиев мог на любого аристократа в Риме смотреть свысока.

Сейчас Клодий выглядел совсем не так, как в те дни, когда кумирствовал перед римским плебсом — в рваной тунике с пурпурной полосой сенатора, со спутанными волосами, с бледно-серыми потеками на все еще красивом лице. Пропорции лица, как у греческой статуи, белая кожа, выющиеся волосы, лежавшие крупными завитками над гладким лбом. Нос с легкой горбинкой, надменный рот, миндалевидные глаза. Даже в сорок он оставался красавцем. В тридцать он был божественно красив. Добавьте к этому юношескую худощавую стройность, которая сохранилась до последних дней, гордо развернутые плечи, умение двигаться, почти как у танцора. Если бы я гонялся за юношами в Венериных утехх, как уверяли клеветники, я бы влюбился в этого мерзавца. Существует поверье, что тот, кто съел зайца, становится красавцем. Клодий, если верить этой байке, постоянно питался зайчатинной, потому что красота его не меркла с годами. Его сестра к концу жизни подурнела и постарела, а он так и остался молодым.

Юность не долговечна, красота не долговечна, и не долговечна плоть. Поговаривали, что кто-то из греков наблюдал за Клодием, когда тот стоял на Рострах, выступая перед народом, и тайком на отбеленной гипсом доске делал наброски углем, чтобы потом высечь в мраморе своего Аполлона. Так это или нет, но жестокость, энергия и красота сплелись в этом человеке, вызывая в сердцах римского плебса яростное обожание. И это обожание ничто не могло раз-

рушить. Его сестра Клодия, внешне необыкновенно схожая с братом, многих заставляла в нее влюбляться. Цицерон, говоривший о ней мерзости, тайно вожделем Волоокую. И чем больше вожделем, тем больше оскорблял и поносил. Поэт Катулл⁵⁰ сходил с ума по своей Лесбии, то терпел ее капризы и измены, то проклинал неверную в стихах и требовал вернуть восковые таблички с посвященными ей стихами. Красота завораживает. Как и поэзия. Уж кто-кто, а Катулл наверняка уже обзавелся своей ладьей. И катает поэт по водам Мнемосины своих друзей. Думаю, он даже примирился с Волоокой, и они здесь обрели своего рода счастье. Может быть, он даже приглашает на борт ее брата? Хотя вряд ли они с Клодием были друзьями. А уж как Катулл меня «воспевал»!

«В чудной дружбе два подлых негодяя//Кот Мамурра и с ним похабник Цезарь...» Мамурра был вором, никто не спорит. Но крал не больше других, и при этом считался умелым инженером и строителем. Как там дальше? «Оба мечены клеймами распутства//Оба гнилы и оба — полужайки...» Про Мамурру, может, и правда, но я получил неплохое образование. В основном, стараниями моей матушки, потому что отец мало был озабочен моей персоной. За эту эпиграмму Катулл потом извинился, и я тут же простил его и пригласил к себе на обед. Поэтов не стоит обижать и тем более унижать. Особенно таких, как Катулл. Поэты должны хорошо питаться, имеют право не любить правителей и дерзить. В конце концов, не Катулл вонзил мне кинжал в печень.

Клодий собрал плавник, как Цезарь сделал это в прошлый раз. Только казалось, что это обломки какой-то мебели — скамьи, столики писцов. Огонь уже горел и Клодий жестом предложил сомертвецу присесть. Цезарь выбрал в качестве сиденья обломок скамьи — вполне еще годный.

— Кровь похожа на грязную воду, — Клодий коснулся серой полосы на лице. — Вот же лысая задница! Несчастные придурки даже не потрудились омыть мое тело и переодеть, как требует обычай. Они притащили мой изувеченный трупешник на Форум и запалили погребальный костер в Гостилиевой курии⁵¹, раздолбав все скамьи, на которых сенаторы грели свои жирные зады.

— Ты сам был сенатором, — напомнил Цезарь.

— Но я никогда не был жирным. Одно радует — вместе с моим телом сгорела и римская курия. Хорошо горела. Ярko. Моя маленькая посмертная месть.

— Я построил новую. Теперь она стоит ближе к Форуму и названа моим именем⁵². И Ростры перенес так, чтобы оратор выступал перед народом на Форуме.

— Вот только не надо лицемерить — здесь это не сработает, как ни выползай из своей сгоревшей на погребальном костре шкуры. Зачем римлянам теперь трибуна ораторов? Кто там собирается выступать? Твои подпевалы и лизуны? Что им делать на Рострах? Соревноваться в лести? Лучше бы построил для них новый лупанарий на тысячу комнат.

Судя по всему, Клодий был в курсе событий, случившихся уже после его смерти. Как и Катилина.

— Я принес Риму порядок.

— Ты всегда был говорлив как грек. Умел изворачиваться. Ты принес Риму рабство для всех и каждого, — тут же парировал Клодий. — Вернувшись из Галлии, ты все решал сам, остальные превратились в жалких просителей.

⁵⁰ Катулл — Гай Валерий Катулл, римский поэт (84-54 гг. до н.э.), известен также эпиграммами на Цезаря и серией любовных стихов посвященных Лесбии, под именем которой выведена Клодия.

⁵¹ Курия — здание, где заседал Сенат. Гостилиева курия была сожжена во время кремации Публия Клодия Пульхра. Погребальный костер вопреки традиции устроили обожавшие его бедняки Рима в черте померия (то есть внутри священной границы Города).

⁵² Юлиева курия сохранилась до наших дней, правда в весьма неказистом виде.

— Ты умер прежде, чем я победил. Теперь мы равны, можем просто созерцать плоды наших трудов и никуда не торопиться.

— Гнилые плоды. Ты желал власти над Римом, а я — никого к этому золотому яблочку не подпускал. Но почему-то все считают, что я плясал под твою дудку. Мол, ты поднимал палец, я прыгал.

— Может, и так...

— Нет, совсем не так! — Клодий неожиданно пришел в ярость. — Ни ты, ни Помпей были мне не указ. Я действовал так, как считал нужным. Надутый Помпей меня боялся, а ты искал со мной союза.

— Союзник из тебя ненадежный. В самый ответственный момент ты похоронил наш план и едва не отдал власть над Римом в руки Помпея. То есть власть Помпей получил, но не сумел ею воспользоваться.

Цезарь всегда опасался этого человека: Клодий бывал порой совершенно неуправляемым. Подчинялся только собственным желаниям и собственным прихотям. С его именем связан самый большой скандал Рима.

Есть таинственный праздник у римских женщин — праздник Доброй богини. Он отмечается в декабре — в доме одной из матрон, жены или матери магистрата, собираются уважаемые женщины Города, приходят весталки. Ни одного мужчины, даже мальчонки, даже слуг, в эти вечер и ночь не должно оставаться в доме. Женщины намекают, что они проводят в эту ночь некие древние священные обряды под водительством дев-весталок. Но по некоторым слухам, весьма многочисленным, они веселятся и пьют вино, разливая его в глиняные горшочки, и называют вино молоком. В тот год, когда я получил назначение в Дальнюю Испанию пропре-
тором, праздник проходил в доме моей матери Аврелии⁵³.

Первый красавец Рима проник на празднества Доброй богини, где собрались уважаемые матроны города и весталки. Наутро слухи поползли по Риму. Рассказывали, что — вот же ужас, мужчина переоделся в наряд арфистки, чтобы встретиться с женой Цезаря (то есть с моей Помпеей) и ее обесчестить. Женщины, обнаружив нарушителя, визжали от ужаса... По другой версии — сорвали с дерзкого женский наряд. Третьи рассказывали, что римские аристократки визжали и срывали с Клодия одежду. Будто при этом многие были нагими, когда явились в атрий, не удосужившись накинуть на себя даже легкую паллу или тунику. Слухи ползли по Риму. Кошунство свершилось! Весталки сказали, что мужчина видел святыни, принесенные на празднество весталками. Или видел их нагие иссохшие без мужских ласк тела в отблесках факелов? Или, прежде чем его выдворили из дома под притворный визг и крики, ласкал слишком нежно чьи-то груди? И не только груди. Крики, истерический смех, визг, суета, метания взад и вперед, заламывание рук.

— Так ты спал с моей женой или нет? — сейчас это так же мало волновало Цезаря, как и наутро после скандала.

Но любопытство...

Клодий усмехнулся и превратился в наглого тридцатилетнего красавца. Разве что туника на нем так и осталась грязной и разорванной на груди:

⁵³ 3 декабря-4 декабря 62 года до н.э.

— Не успел. Я только хотел плотннуть винца и оценить, что же пьют женщины на своем тайном сборище, но выяснилось, что вино обслуге не полагается: ведь я переоделся не знатной матроной, а музыкантшей. Приходилось подгибать колени, чтобы не казаться намного выше других красоток. Когда началась кутерьма, успел разве что ущипнуть за попку пробежавшую мимо матрону. Так себе удовольствие, для мальчишки лет двенадцати сойдет. Ущипнул исключительно для того, чтобы усилить беспорядок и успеть ретироваться. Слава Судьбе, Абра, служанка твоей Помпеи, быстренько вывела меня из дома, прежде чем разъяренные матроны выцарапали мне глаза и оторвали фаллос. Они почему-то (в самом деле, почему?) все время лезли мне под платье. Помнится, она красотка лет двадцати в белом парике и с черной киской... Впрочем, тьфу, на этой стороне к чему такие подробности?

Весь следующий год каждое утро начиналось с новостей о Клодии. Каждый день заканчивался перечислением его «подвигов». У римских женщин загорались глаза, лишь только они слышали имя дерзкого красавца.

В начале января я беседовал с матушкой в ее доме — где и произошел тот самый скандал с Клодием⁵⁴. Аврелия была спокойна тем ледяным спокойствием, которое было мне хорошо известно с самого раннего детства. Оделась она скромно — стола из плотной сероватой шерсти, накидка из ткани с начесом. Единственное украшение — золотой браслет на руке. Почти траур.

В комнате было холодно. Аврелия намеренно не приказала рабам принести жаровни с углями.

Моя Помпея (к слову, в тот момент уже не моя), щеголяла в тончайших тканях и шелке даже в морозы, заявляя, что ни за что не станет надевать «старухины тряпки». До Аврелии с ее умом и здравым смыслом бывшей женушке было далеко, как до греческих календ⁵⁵.

— Я слышала, Юлий, ты известил жену о разводе, — Аврелия, как всегда, начала разговор с главного.

И как всегда, она назвала меня «Юлий», как именovala с того дня, как я надел тогу взрослого гражданина.

— Да, вчера известил. После того, как случилось *происшествие*, она живет в доме своей матери. Как ты понимаешь, ей не место в Регии, резиденции великого понтифика, где мы с нею обитали. У бывшей тещи внушительный денежный сундук, вдвоем с дочуркой они смогут выбрасывать тысячи сестерциев на шелка, украшения и дорогих собачек.

Бывшая теща была дочерью Суллы, того самого, что едва не отправил меня за Ахерон в юном возрасте. Но к тому же она была очень богата, а также числилась дальней родней Помпея Великого. В тот год, когда я был эдилом, я вывел на играх в Риме 32 пары гладиаторов, да еще в украшенных серебром доспехах⁵⁶. На самом деле я хотел вывести вдвое больше, но после восстания Спартака собирать вместе так много отчаянных бойцов мне запретили. На празднества для народа требуется много денег, очень много. Долги мои продолжали расти, и с этим надо было что-то делать. Я знал, что второй Корнелии уже не встречу, юношескому восторгу уступил место трезвый расчет.

— Изгнав Помпею из дома, ты тем самым подтвердил ее вину. — Матушка была само воплощения здравомыслия.

⁵⁴ Январь 61 года до н.э. Цицерон упоминает о разводе Цезаря в письме от 25 января 61 года до н.э.

⁵⁵ У греков в календаре не было календ, то есть означает — никогда не достигнуть.

⁵⁶ Плутарх называет число 320 пар и серебряные доспехи. Серебро — мягкий металл и не может защитить от удара, вряд из него делали защитные доспехи.

Если бы ей довелось соревноваться в здравомыслии с Цицероном или Катоном, я бы поставил на нее.

— Тем самым я подтверждаю глупость Помпеи — ей не хватило ума не нарываться на скандал. Ее служанка провела Клодия в твой дом, и она же, эта маленькая бестия, вывела его безопасным путем наружу после того, как присутствие наглеца раскрыли. Помпея настолько глупа, что не смогла найти подходящий приют для Венераиных утех. Обратилась бы ко мне, попросила найти тайное гнездышко для забав с любовником.

— Ты полагаешь, что лучше всего...

Аврелия замолчала, поправила браслет на запястье.

— Лучше всего было сделать вид, что нам ничего неизвестно о *происшествии*.

Аврелия раздумывала, вертя на запястье золотой браслет. Я знал, что сейчас она просчитывает все «за» и «против» такого поведения.

— Разве ты не обязан как великий понтифик дать заключение о случившемся?

О, у меня как у великого понтифика была масса нудных обязанностей. Когда магистраты приносили жертвы и давали обеты от имени римского народа, то я (или мой либрарий) должны были произносить нужные слова, ничего и нигде не меняя, а магистраты — повторять. Я с удовольствием предоставлял эту честь либрарию, щедро оплачивая его услуги. Он так навестрился в этом деле, что никогда не запинаясь и не оговариваясь. Я всегда ценил людей, которые умели делать свое дело и на которых можно положиться.

— Религия — это ритуал, который дает возможность структурировать хаос нашей жизни путем обрядов. Обряды следует соблюдать. И тут наши уважаемые матроны совершили ошибку, дозволить разгореться скандалу. Как мужчине, мне ничего не ведомо о *происшествии*. Здесь последнее слово за весталками. А они уже заявили, что было совершено кощунство. То есть сделали еще одну глупость вдобавок к прежней. Могли бы ответить, что Клодий ушел сразу, как был обнаружен, и ничего не видел. Немного сплетен развлекли бы Рим, и только. А теперь по постановлению Сената консулы выставят на Форуме доски с вырезанным на нем текстом закона. Клодия будут судить, отступать некуда.

— А Клодий? Что ему грозит? Изгнание?

— Бешеный вывернется.

— Но тебя наверняка вызовут в суд и спросят, что тебе известно об этом деле.

— И я отвечу правду: «Ничего неизвестно». Мне в самом деле ничего не известно, что на самом деле случилось, — я сделал паузу. — *Из достоверных источников.*

С матушкой я всегда говорил так — обозначая голосом самые важные слова, давая понять интонацией, а не словами самую суть фразы. Так мы разговаривали в детстве, зная, что слуги всегда подслушивают. Даже под пыткой они не смогли бы сказать о нас что-то порочащее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.